

ВСЕМІРНАЯ

ПАНОРАМА

26 Сентября

1914 г.

ВОЕННЫЙ НОМЕРЪ.

На ст. ж. д. цѣна 6 коп.

5 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи

Handwritten notes:
 Дир. М. М. М.
 5084

Кайзеръ, кайзеръ, гдѣ ты былъ?

(На мотивъ «Чижика»).

«Кайзеръ, кайзеръ, гдѣ ты былъ?»
 Въ Петроградѣ русскихъ билъ!
 Разбилъ корпусъ, разбилъ два;—
 Закружилась голова!
 «Кайзеръ, кайзеръ, это ложь!
 Не краснѣя, кайзеръ, лжешь:
 Ты-бы взять, конечно, радъ
 Славный русский Петроградъ,
 Только... руки коротки,
 Да страшать еще... штыки!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, гдѣ ты былъ?»
 «Всѣхъ бельгийцевъ я разбилъ!
 Чуть-чуть Бельгія жива!—
 Закружилась голова!
 «Кайзеръ, кайзеръ, это ложь!
 Не краснѣя, кайзеръ, лжешь:
 Нѣтъ, могучъ въ бельгийцахъ палецъ!
 Ихъ народъ—твой потопилъ!
 Такъ, сильнѣе иногда
 Пушекъ крупновскихъ... вода!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, гдѣ ты былъ?»
 «Подошешь я къ сербамъ въ тылъ,
 Се бардиравалъ Бѣлградъ,—
 И Бѣлградъ ужъ мною взятъ!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, это ложь!
 Не краснѣя, кайзеръ, лжешь:
 Да, узнать-бы нѣмецъ радъ,
 Что могучій палецъ Бѣлградъ;
 Только много дней подрада
 Сербы въ... Землинѣ сидятъ!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, гдѣ ты былъ?»
 «Я къ Францъ-Иосифу ходилъ:
 Настроенье—первый сортъ!
 Австро-Венгріей онъ гордъ!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, это ложь!
 Не краснѣя, чушь плетешь:
 Австро-Венгрію ужъ нѣтъ!—
 Знаетъ это цѣлый свѣтъ!—
 Съ ней составилъ тщетно блокъ:
 Отъ нея остался... клочокъ!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, гдѣ ты былъ?»
 «Я французовъ сокрушилъ!
 И Парижъ, что мною вять,
 Не возьмутъ они назадъ!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, это ложь!
 Не краснѣя, чушь плетешь:
 Знаемъ, жаждой ты горшишь
 Вхвать завтракать въ Парижъ!
 Хоть и мучить жажда та,—
 Дверь въ Парижъ... все заперта!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, гдѣ ты былъ?»
 «Изъ Италіи приплылъ.
 Никого я не боюсь:
 Живъ нашъ тройственный союзъ!»
 «Кайзеръ, кайзеръ, это ложь!
 Не краснѣя, кайзеръ, лжешь:
 Итальянецъ—не дуракъ;
 Нѣтъ, тебѣ онъ лютый врагъ!
 И тевтонамъ выплеть онъ—
 Итальянскихъ... макаронъ!»
 Дарвадай.

Кайзеръ.

Результаты конкурса

„ВСЕМИРНОЙ ПАНОРАМЫ“

Будутъ объявлены послѣ
1-го октября с. г.

„Высоко-религіозный“ варваръ.

Одинъ изъ создателей франко-русского союза, Фрейсинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, передаетъ эпизодъ, характерный для личности Вильгельма II.

Франція тогда старалась завоевать симпатію Россіи и ежедневно давала доказательства своего расположения. Она предложила Россіи кредитъ и освободила ея финансы отъ нѣмецкой опеки. Фрейсинъ указалъ почву, на которой могло состояться это сближеніе, и осторожно выжидалъ.

— Какой интересъ толкаетъ васъ сближаться съ Россіей?—говорилъ Фрейсинъ графъ Мюнстеръ, нѣмецкій посолъ во Франціи.—Вѣрите мнѣ, ничего хорошаго не приходится съ востока.

Этотъ Мюнстеръ жилъ раньше въ Петроградѣ и зналъ русское общество. Онъ жестоко критиковалъ русскихъ, порицалъ ихъ безпечность, нерадѣніе и обнаруживалъ всѣ ихъ недостатки, и, наоборотъ, симпатично отзывался объ англичанахъ и французахъ. Фрейсинъ возражалъ ему, что между французами и русскими давно существуетъ симпатія. Она проявилась еще при первой имперіи, а впоследствии подъ стѣнами Севастополя. «Впрочемъ,—прибавилъ Фрейсинъ,—совершенно естественно, что мы ищемъ равновѣсія вашему тройственному союзу.»—«Для чего же? Этотъ тройственный союзъ не угрожаетъ вамъ, но если вы соединитесь съ Россіей, то вы нападете на насъ.»

Бисмаркъ тоже увѣрялъ французскаго посланника въ Вѣнѣ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, когда заключалъ двойственный союзъ. Послѣдній передалъ во французское министерство иностранныхъ дѣлъ свѣдѣнія о мирныхъ намѣреніяхъ Германіи, но Фрейсинъ не вѣрилъ Бисмарку и отвѣчалъ, что Франція только предохраняетъ себя противъ всевозможныхъ авантюръ.

Мюнстеръ продолжалъ отрицать пользу франко-русского союза, и Фрейсинъ тогда прибавилъ: «Вѣрю вамъ, что вы не хотите напасть на насъ, но Богъ знаетъ, что можетъ случиться, когда у васъ будетъ новый императоръ!»

Это былъ моментъ, когда Вильгельмъ II предложилъ Бисмарку подать въ отставку.

— Я знаю Вильгельма,—говорила дочь графа Мюнстера.—Я часто съ нимъ играла ребенкомъ. Онъ высоко-религіозный человѣкъ и никогда не начнетъ войны!

Эти слова не убѣдили, однако, Фрейсинъ, и, вѣрный своему довиану—«управлять значить предсудатривать», онъ продолжалъ работать въ пользу сближенія съ Россіей.

Условія подписки на „ВСЕМИРНУЮ ПАНОРАМУ“ на 1914 годъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ:

На 1 годъ—2 р. 50 коп., на 4 мѣсяца—1 р. 50 коп., на 3 мѣс.—80 коп., на 2 мѣс.—30 коп.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:

На 1 годъ—8 р., на 4 мѣсяца—3 р. 50 коп., на 1 мѣс.—55 коп.

Адресъ: Петроградъ, Т-во Издательскаго Дѣла „КОПЬИКА“, Лиговская, 111-118 (собственный домъ).

ПРОИЗВОДСТВО ДРОБИ.

Практическое руководство по изготовленію старинныхъ и фабричныхъ способами дробей различныхъ калибровъ. Съ 21 рисункомъ.

Составилъ Н. А. Федоровъ. Цена книги 30 коп., съ пересл. и заказ. плат. 30 к.

Книжный магазинъ „Книжный Поставщикъ“, Петроградъ, Лиговск., 111-113.

ПАНОРАМА

ПОЪЗДА.

Гремять подь пѣсни боевыя
И грузно мчатся поѣзда,
Туда, за грани роковыя,
Туда! Туда!
Свѣтло-глубокъ и безмятежень
Необозримый кругъ небесь,
И вѣтерокъ привѣтно нѣжень,
И засиненый смиренъ лѣсь.
Но будеть кровь, огонь и стоны,
Не даромъ такъ блестятъ штыки;
Мелькають красныя вагоны—
Везуть полки.
Какъ возмущенная стихія,
Возвысивъ гордо голосъ свой,
Не даромъ встала вся Россія,
Дохнула мощью грозовой.
Гремять подь пѣсни боевыя
И вихремъ мчатся поѣзда,
Туда, за грани роковыя,
Туда! Туда!

—Ъ.

Нѣмецкіе солдаты, во главѣ съ кронпринцемъ, занимаются мародерствомъ. Они похищаютъ старинныя вещи, уносятъ дорогую одежду а все, что не могутъ унести—предаютъ огню.

Послѣ четырехдневнаго перехода былъ отданъ приказъ окапываться: сильно уставшіе солдаты были рады передохнуть. Быстро разбивался лагерь, раскладывались костры, и черезъ какіе-нибудь полчаса холмистое предгорье отъ узкой блестящей серебромъ рѣчки до сосновой роши, въ которой расположилась артиллерія, оказалось все сплошь накрытымъ палатками и повозками.

Унтеръ-офицеръ Костинъ, по виду—хмурый и сердитый, а на самомъ дѣлѣ добрякъ какихъ мало, сидѣлъ около огня, снявъ сапоги, и соскребывалъ съ нихъ щепкой грязь. Напротивъ, въ палаткѣ, рядовой Карасевъ возился съ чайникомъ, затыкая тряпочкой его протекавшее на сгибѣ дно.

— Опять лѣчишь?—спросилъ Костинъ.

— Отмокли.

— А послѣ боя лишніе останутся.

— Надо быть, что такъ, Василій Емельянычъ.

Карасевъ относился къ Костину съ большимъ почтениемъ и говорилъ ему вы.

— И гдѣ непріятель—шутъ его знаетъ!—Сколько дней идемъ,—и все нѣтъ...

— У нихъ, Василій Емельянычъ, такой планъ—замануть хотять.

— А наши, что жъ, дураки? У нашихъ тоже, братъ, въ головѣ-то не еловыя шишки.

Ген.-адъютантъ В. К. Ренненкампфъ.

— А много нашихъ войскъ. Сила громадная.
Костинъ показалъ ему рукой, чтобы онъ помолчалъ,
и прислушался.
— Пѣтухъ.
— Должно быть, деревня близко.
— Надо у ротнаго на ночь на развѣдку испроситься.
Пойдешь?

— А что жь не пойти?
Костинъ хорошо зналъ своего ротнаго, лихого веселаго офицера, жившаго душа въ душу съ солдатами. Охотниковъ на опасныя дѣла онъ любилъ и поощрялъ, и Костинъ былъ увѣренъ, что не только на развѣдки, а хоть чертямъ въ лапы, только заявить и никакого препятствія не будетъ:—еще спасибо скажетъ.

Такъ оно и случилось. Получивъ разрѣшеніе пошаритъ вокругъ лагеря, Костинъ подобралъ еще пару молодцевъ и, когда сгустилась ночная темень—спустился съ ними внизъ за окопы.

— Главное дѣло, братцы, потише!—упредилъ онъ.— Что кому надоть—на ухо говорите.—Ну, Бисподи, благослови. Пошли!

Всѣ перекрестились и зашагали къ рѣчкѣ.

Рѣчка была мелкая—и солдаты скоро нашли бредъ

— Ахъ, братцы, и какая вода холодная.

— Поори—наскочимъ.

Неся надъ головой вѣтовки, спятыя питаны и сапоги—всколыхнули, взорбили темную воду. Выйдя на другой берегъ, торопливо одѣлись,—воткнули въ землю палку, чтобы замѣтить бродъ, и заспѣшили дальше. Костинъ думалъ, что до деревни и версты не было, такъ онъ явственно слышалъ тогда пѣтуха. Однако, прошло съ полчаса и хоть бы гдѣ какой признакъ жилья,—все дуга да овраги.

Костинъ приняховался, не потянетъ ли откуда дымкомъ, и пастороженно ловилъ каждый ночной звукъ... Рѣшили, что идутъ неправильно, надо было по берегу, а ужъ по рѣчкѣ обязательно какая-нибудь деревня будетъ.

Воротились къ броду и пошли направо.

Дѣйствительно—черезъ нѣсколько минутъ зачернѣло вдали жилье.

— Теперь гляди въ оба!—сказалъ шепоткомъ Костинъ.

Въ это время навстрѣчу показались два всадника—словно изъ-подъ земли выросли.

Солдаты остановились.

— Ложись!—все такъ же тихо приказалъ Костинъ.

Всадники ѣхали рысью.

Костинъ разглядѣлъ казацкія безкозырки.

— Свои?—крикнулъ онъ.

— Свои, свои...—отвѣтилъ тѣ.

— На деревнѣ были.

— Никого нѣтъ,—и казаки проѣхали дальше.

Послѣ этого сообщенія солдаты пошли увѣренно, не опасаясь разговаривали громко.

Деревня показалась вымершей, такъ было въ ней тихо.

Когда проходили мимо одного изъ дворовъ, залаяла и завyla собака.

— Обождите!—сказалъ Костинъ и толкнулъ калитку.

Большой черный лохматый песъ загремѣлъ цѣпью у крыльца.

Костинъ вспомнилъ про своего «Жучка», что остался тамъ—дома. Былъ онъ точь въ точь, какъ этотъ, только поменьше.

Песъ жалобно-визжалъ.

— Что, оставили? Ушли хозяева-то...

Досталъ изъ кармана сухарь и бросилъ псу.

Тотъ понюхалъ его и сталъ грызть.

— Сголодалъ?

Костинъ подошелъ, погладилъ его и разстегнулъ ошейникъ.

— Нашъ теперь будешь,—плѣнный.

Песъ словно понималъ и, поднявъ морду, пристально смотрѣлъ на Костина.

— Ну—поди сюда!

И, потрепавъ пса по шеѣ, Костинъ пошелъ обратно.

Песъ покорно послѣдовалъ за нимъ.

— У меня въ деревнѣ такой-же,—сказалъ Костинъ Карасеву, какъ бы оправдываясь, что онъ пожалѣлъ собаку.—Одной масти.

„Недѣля бѣлья“ въ Петроградѣ.

Упаковка бѣлья, отправляемаго въ дѣйствующую армію, въ квартирѣ гласнаго петроградской городской думы Н. П. Залеско. (Съ фот. Э. Бродяго).

- Забрали—табакъ, братъ, твое дѣло!
- И до чего умная тварь — знаетъ, что не обидать.
- Походный будетъ.
- Черкесь....

И солдаты, лаская обнюхивавшаго ихъ пса, пошли вдоль деревни.

Такъ и осталось за нимъ—«Черкесь».

Обжилъ онъ на позиціи, какъ нельзя лучше, и сталъ общимъ баловнемъ. Ретивости не выказывалъ—все больше лежалъ и грѣлся у костровъ—старый оказался песь.

Хозяиномъ онъ считалъ Костина и находился гдѣ-нибудь поблизости отъ его палатки.

Научили его солдаты давать лапу, но отъ того, чтобы служить, онъ рѣшительно отказался и, если его ставили насильно, лизалъ руки и жалобно вилялъ хвостомъ.

Ночью спалъ онъ въ ногахъ у Костина.

Такъ это было до того дня, когда засвистѣли надъ палатками первыя непріятельскія пули.

Трудно было понять, откуда стрѣлялъ.

Вѣлесая пелена тумана густо заволакивала даль.

Всѣ были на мѣстахъ и ждали команды.

Костинъ находился въ первой траншеѣ, и около него, по обычному, спокойно лежалъ «Черкесь» и ворча выкусывалъ хитро прятаншихся въ густой шерсти блохъ.

Былъ отданъ приказъ молчать и не отвѣчать на выстрѣлы.

Уже нѣсколько человѣкъ раненыхъ садились на санитарную повозку.

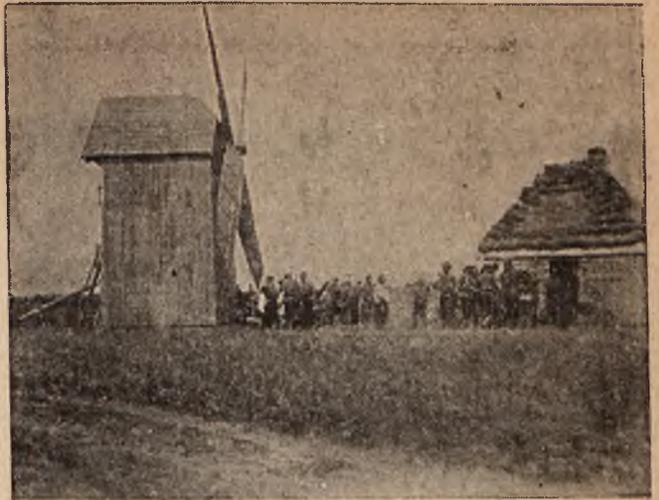
Наступило темное непріязненное ожиданіе.

Изъ рожи рявкнуло орудіе—за нимъ другое, третье.

«Черкесь» вскочилъ и залаялъ.

Недалеко отъ Костина свалился солдатъ...

«Черкесь» кинулся къ нему и обнюхалъ его—видно было, что онъ пришелъ въ крайнее безпокойство. То глядѣлъ на огни грохочущихъ изъ рожи орудій—и скулилъ

На привалѣ у мельницы.

на нихъ, то подбѣгалъ къ Костину и ждалъ къ его сапогу.

— Испугался—а еще черкесь...

Пули свистали все гуще.

— Жаркое будетъ дѣло,—подумалъ Костинъ.

— Р-рота—или!

И застрекотали ружья....

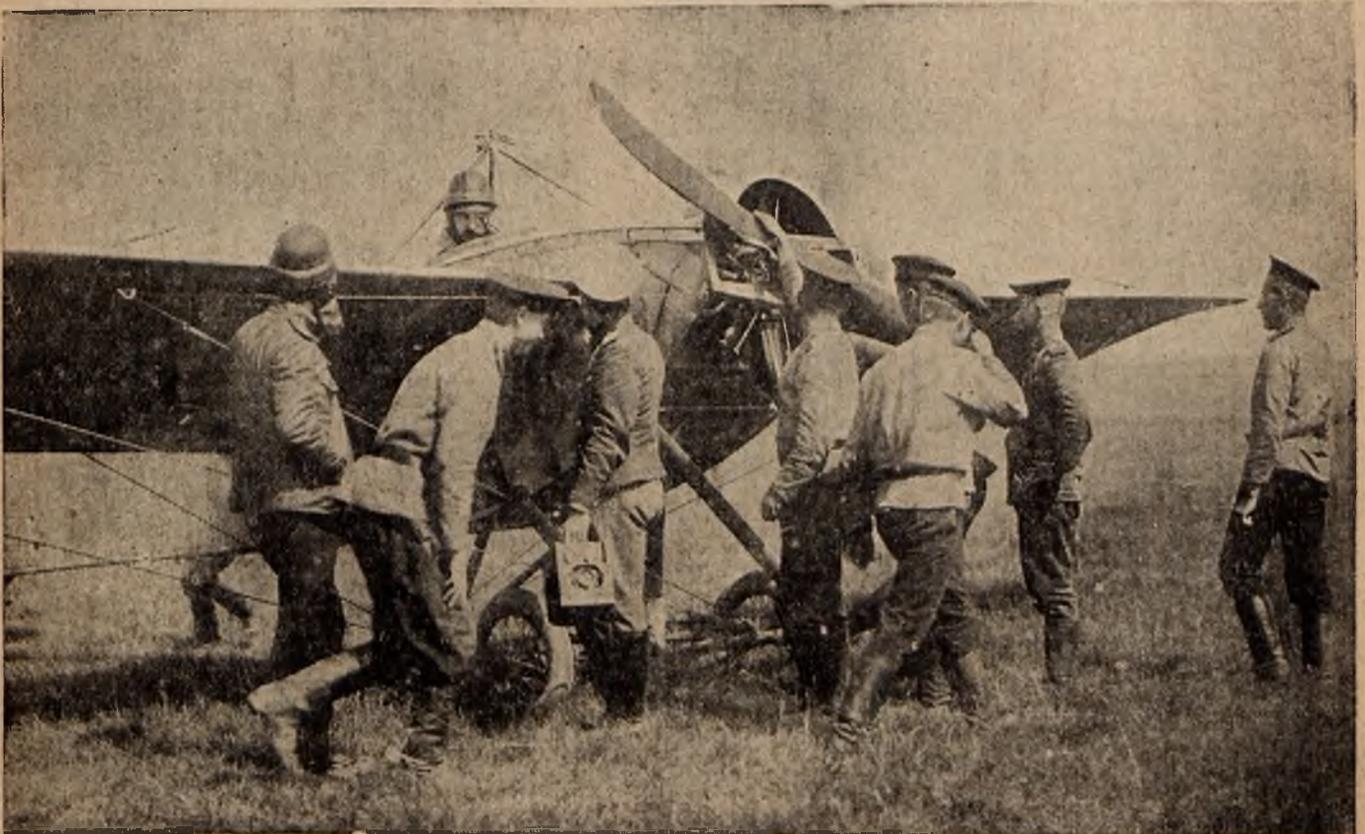
«Черкесь» ополоумѣлъ.

Онъ кидался отъ одного къ другому, визжалъ, залаивался злобынымъ лаемъ.

Изъ тумана показалась непріятельская кавалерія—но выстрѣлы орудій слились въ одинъ яростный ревъ. На полѣ въ разныхъ мѣстахъ остались лишь жутко копошащіяся темныя груды.

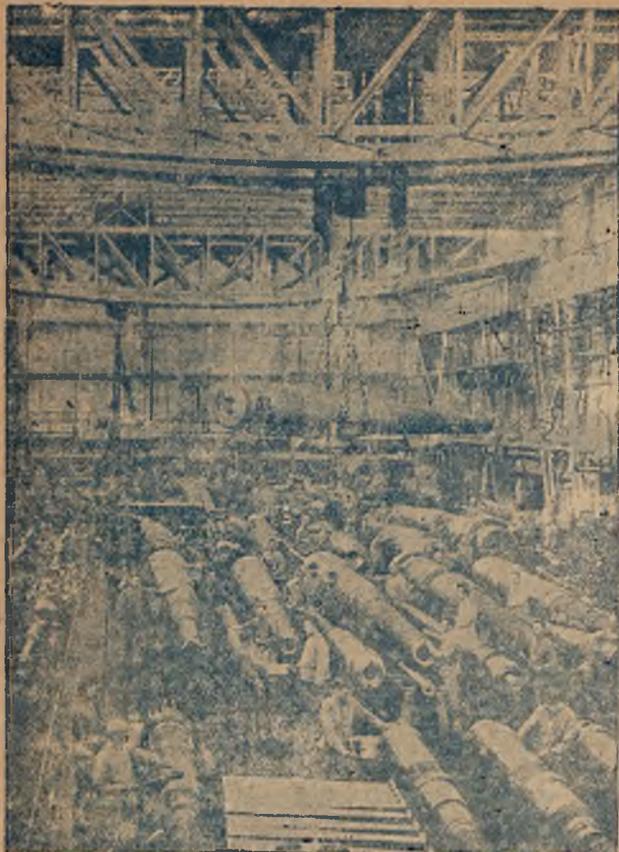
Орудія смолкли.

И опять изъ тумана вынырнуло нѣсколько всадниковъ.

Великимъ трудомъ перенесли къ окопу на развѣдкѣ.

Лихорадка вооруженія.

Въ настоящее время, когда грохочутъ пушки въ недавно еще мирной Европѣ, когда почти всѣ державы встали на борьбу съ германскимъ милитаризмомъ и бьютъ ужъ часъ гибели этого европейскаго деспота, будетъ не лишнимъ ознакомиться съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тысячи людей, по велѣнію своего зазнавагося вождя, лихорадочно работаютъ надъ выдѣлкой орудій, предназначенныхъ для того, чтобы сѣять смерть и разрушеніе. Это—заводъ Круппа, личнаго и интимнаго друга императора Вильгельма. Здѣсь отливаютъ пушки, огромныя осадныя орудія, здѣсь въ полной тайнѣ отъ всего міра направляютъ обученные инженеры всѣ силы своего ума и знаній, чтобы найти средство, какъ можно ужаснѣе уничтожить своего врага. Размѣры этого грандіознаго предприятия легко себѣ представить, если знать, что въ немъ занято 53.000 рабочихъ при 5 тысячахъ инженерахъ и мастерахъ. Предположимъ, что у cadaго изъ нихъ есть жена и только двое дѣтей, и мы получимъ внушительную цифру—232 тысячи человекъ,—т. е. ту цифру, которая указываетъ, сколько людей кормитъ эта отрасль германскаго производства. Лихорадка вооруженія, которая обуяла Германію за послѣднія десятилѣтія привела къ тому, что эмиграція изъ этой страны въ Соединенные Штаты, достигавшая раньше 20 тысячъ человекъ въ годъ, съ 1905—6 года совершенно прекратилась. Это объясняется колоссальнымъ промышленнымъ ростомъ страны, вызвавшимъ спросъ на рабочія руки. Ростъ-же этотъ обусловленъ главнымъ образомъ огромными тратами государства на вооруженіе.

Но та-же лихорадка, которая создала промышленный подъемъ, привела Германскую Имперію и къ нынѣшней войнѣ, которая, надо надѣяться, положитъ конецъ алармистскимъ стремленіямъ воинственнаго сосѣда и дастъ другимъ народамъ возможность мирнаго процвѣтанія и пруспѣянія.

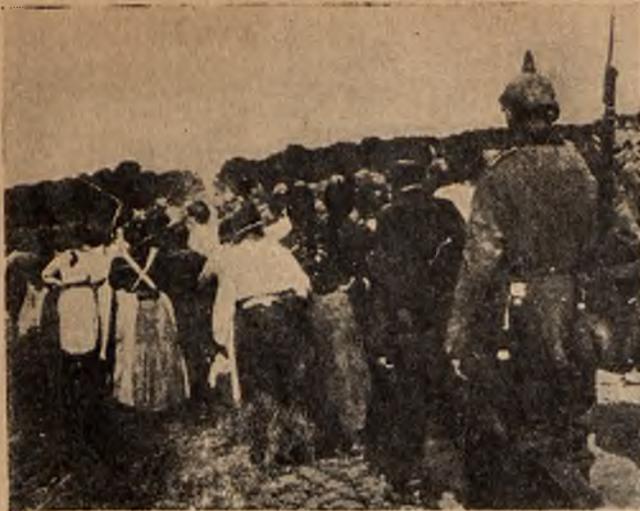

Германскіе аэропланы надъ Парижемъ.

Тревожные дни переживали парижане, когда надъ столицей міра ежедневно летали нѣмецкіе воздушные пираты, бросавшіе бомбы въ беззащитныя группы женщинъ и дѣтей. Но любопытство брало верхъ надъ осторожностью, и сотни тысячъ парижанъ съ затаенной тревогой слѣдили за полетомъ нѣмецкихъ аэроплановъ.

Германцы въ Бельгiи.

Женщины и дѣти въ плѣну... Такими успѣхи «побѣдоносныхъ» нѣмцевъ въ Бельгiи. Цѣлыми вереницами увидились эти несчастныя изъ своихъ деревень подъ контролемъ германскихъ солдатъ.

(Съ фот. С. Левковича)

Снова ревъ орудiй и справа изъ-за роши помчались съ пиками казаки.

«Черкесь», повидимому, понялъ, что происходитъ что-то очень для него опасное, и, забившись въ какой-то, лежавшiй въ траншеѣ, ящикъ, испуганно поглядывалъ изъ него на Костина.

Вверху что-то польхнуло. подхватило Костина словно вихремъ, кинуло о землю, и онъ почувствовалъ, что какъ бы кто ударилъ его хлыстомъ по ногѣ.

За санитарной повозкой, на которой, въ числѣ раненыхъ, ѣхалъ и Костинъ,—еле поспѣвая, ковыляя на трехъ ногахъ «Черкесь», четвертая была у него перешиблена. Онъ то и дѣло садился, обливая кровь—но видя, что повозка удаляется—поднимался и сибшилъ ее догнать.

Костинъ лежалъ, закрывъ глаза. При каждомъ толчкѣ такая рѣзкая боль пронизывала колѣно, что онъ крепко сжималъ зубы, чтобы не кричать, и лобъ его покрывался холоднымъ потомъ.

Главной его мыслью было поскорѣе добраться до госпиталя, чтобы узнать у доктора, что у него съ ногой. Иногда впадалъ въ забытiе. Это продолжалось нѣсколько минутъ,—но когда опять приходилъ въ сознание, то ему казалось, что прошло безконечно много времени, а онъ все еще ждетъ.

Въ операционную попалъ въ полубреду и пришелъ въ себя лишь на другой день.

Увидѣлъ, что лежитъ на койкѣ и правая нога его туго забинтована. Подошла сестра.

— Вамъ больно?

— Есть малость.

— Ничего—потерпите. Молите Бога, что нога цѣла осталась. Можетъ, поѣсть хотите?

— Спасибо—испить бы.

Сестра принесла въ кружкѣ горячаго чая. Когда онъ, приподнявшись на локтѣ, поставилъ кружку на край постели—изъ-подъ койки высунулась собачья морда и лизнула ему руку.

— «Черкесь», и ты здѣсь?

— Ему хуже,—улыбнулась сестра,—пришлось ногу отнять.

— Стало быть, вмѣстѣ насъ ранили-то.

— Семь верстѣ тащился за повозкой. Васъ въ операционную понесли и онъ тутъ же.

«Черкесь» полувыползъ изъ-подъ койки.

— Повоевали, а? Воляка ты теперь выходишь?

И Костинъ ласково гладилъ его по густой шерсти.

Отъ близости собаки онъ почувствовалъ себя какъ-то бодрѣе и потянуло его домой...

— Возьму съ собой,—подумалъ онъ,—будетъ «Жучку» прiятель.

И «Черкесь» словно бы догадывался о его мысляхъ—такъ кротко, трогательно глядѣли его глаза.

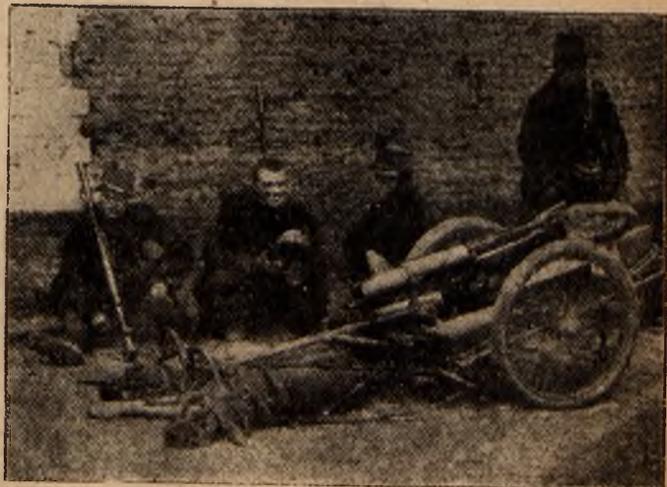
А Костину уже мечталось, что онъ входитъ на крыльцо своей избы. На крыльцѣ жена съ Манькой. Чай, ужъ ходитъ начала Манька-то. Добрая дѣвка—сына бы теперь еще. Въ избѣ все чисто прибрано. Гаврила придетъ изъ Рамепскаго, Федька Камлихинъ. Федька, обязательно, меду со своего пчельника принесетъ.—А «Жучку» честь. «Черкесь» на всю деревню знаменитъ будетъ.—И успокаиваемый этими думами, Костинъ тихо задремываетъ, а «Черкесь» все лижетъ ему руку, все лижетъ.

Александръ Рославлевъ.

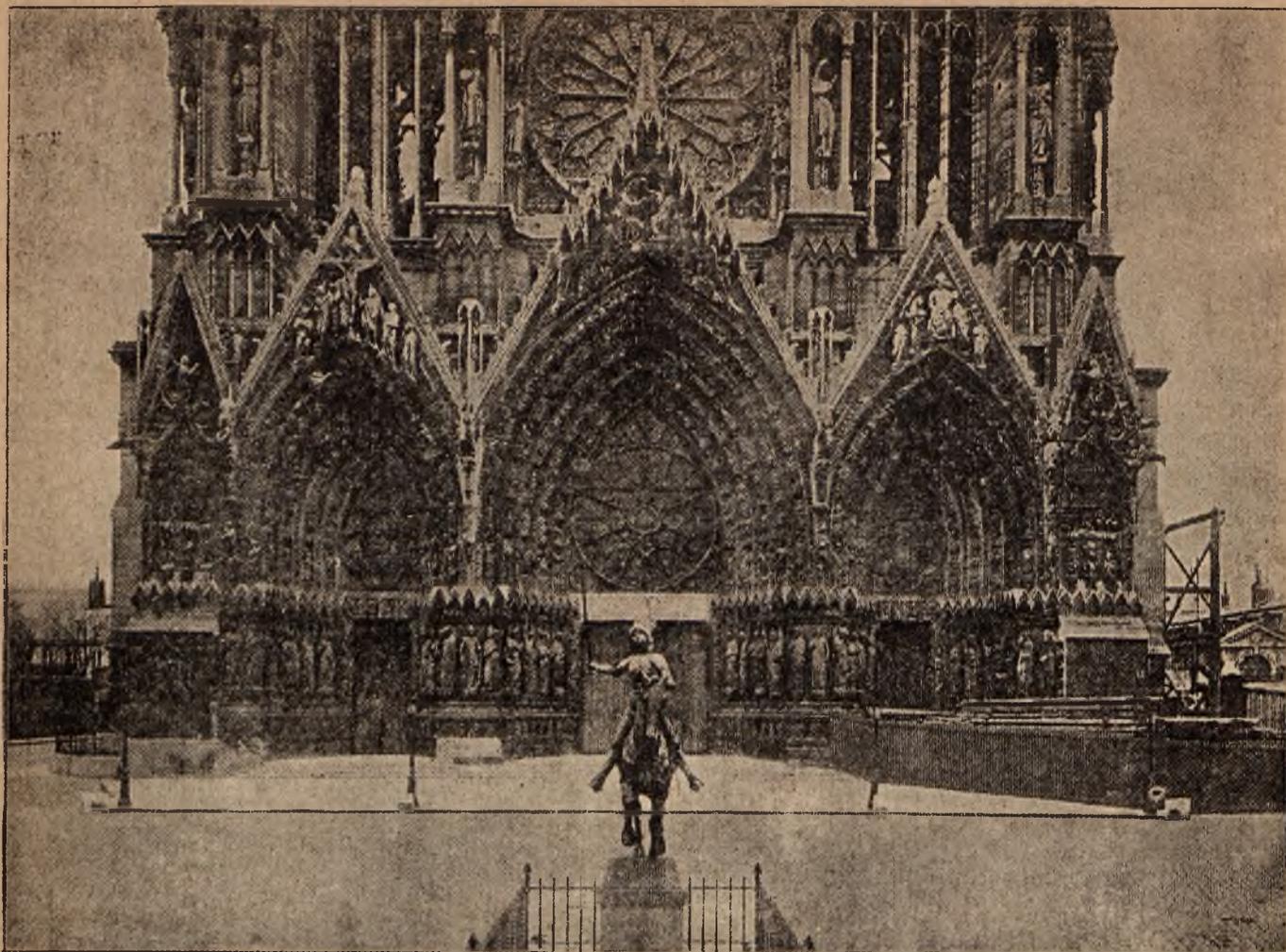

Разоренная семья бельгiйскаго крестьянина въ поискахъ новаго пристанища.

Вѣрные друзья.

Въ бельгiйской артиллерiи небольшiя орудiя перевозятся на собакахъ, которыя охотно и терпѣливо переносятъ всѣ трудности походной жизни.

Нѣмецкій бронированный кулакъ, стремясь навѣки упрочить за Германіей славу величайшаго варварства, сокрушилъ одно изъ дивныхъ твореній человѣческаго гения — Реймскій соборъ. Этотъ соборъ былъ заложенъ еще въ 1215 году. Но постройка была доведена до крыши лишь въ 1391 году. Башни же собора были выведены только въ первой половинѣ 15 вѣка. Такимъ образомъ соборъ строился болѣе 2 столѣтій, нѣмецкія же гранаты разрушили его въ два дня. Вильгельмъ можетъ гордиться подвигами своихъ войскъ. Но пусть онъ вспомнитъ о статуѣ Жанны д'Аркъ, находящейся передъ соборомъ и ничуть не пострадавшей отъ нѣмецкихъ снарядовъ: это символъ надвигающейся мести, неумолимой и неизбежной.

Разрушеніе Реймскаго собора.

Советъ.

Когда на башни Реймскаго собора
Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ,—
Въ дыму и пламени земного спора
Шель споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора,
На демоновъ, чей богохульный стихъ
Вѣнчалъ хвалою зачинщика раздора,
Виновника безумій міровыхъ.

Вопили камни, низвергаясь грозно,
И то, что въ созиданьи было розно,
Единой грудой ждало,—что Творецъ?

И Онъ судилъ спокойно и сурово,
И къ ангеламъ Его слетѣло слово,
Вѣщавшее Германіи конецъ.

Александръ Рославлевъ.

ПО ПУТИ ВЪ РОССИЮ

VI.

«Черезъ Вѣну на Берлинъ». Патрась.

Въ Корфу мы напрасно ждемъ, что наше положеніе какъ-нибудь выяснит-ся. Тѣ нѣсколько пассажировъ, кото-рыхъ доставляютъ къ намъ на бортъ, знаютъ меньше нашего. Они напицканы по горло телеграммами агентства Вольфа, напуганы до послѣдней степени и глядятъ на насъ съ ужасающей мрач-ностью. Боясь произвести панику, они ни о чемъ громко не разспрашиваютъ, но, поймавъ кого-нибудь изъ мужчинъ въ сторонѣ, они ужъ не выпускаютъ его и, переходя на зловѣщій шопотъ и ог-лядываясь, нѣтъ ли по близости жен-щинъ, засыпаютъ его лихорадочно бы-стрыми вопросами, выкладывая всю дичь, которой успѣли набить головы.

— Правда-ли, что Варшава взята, что Японія примкнула къ Германіи, что Швеція заняла Финляндію, что Франція разгромлена, что Кіевъ пере-шелъ къ австрійцамъ и что изъ Берли-на въ Петроградъ прямое безпересадоч-ное сообщеніе?..

Они не рѣшаются вѣрить, чтобъ все было сплошь уткой, они требуютъ до-казательствъ, но, не дослушавъ, уже оттаяли и припли въ себя, уже улыба-ются и уже видятъ будущее въ розо-вомъ свѣтѣ...

Вообще я убѣждаюсь, что изъ всѣхъ пассажировъ мы почему-то самый необ-стоятельный народъ. Мы быстрѣе всѣхъ теряемся при малѣйшемъ переполохѣ, когда нѣтъ еще никакихъ причинъ те-ряться, охотнѣе всѣхъ цѣпляемся за всякій вѣдоръ и раздуваемъ его въ по-жаръ, непрерывно ждемъ помощи и утѣшенія и менѣе всѣхъ проявляемъ сами инициативу и полагаемся на соб-ственные силы.

Передъ самымъ отходомъ парохода прѣзжаютъ съ берега еще нѣсколько сербовъ. Ихъ тоже призываетъ война, и они бѣгутъ къ себѣ. Но у нихъ вполне опредѣленная программа. Они знаютъ, что если пароходъ не довезетъ ихъ до Салоникъ, откуда уже есть желѣзная дорога до Ниша, они наймутъ баркасъ, не будетъ баркаса — они смастерятъ себѣ плотъ, не будетъ изъ чего сдѣлать плотъ, пустятся вплавь, не будетъ дороги отъ Салоникъ, они пойдутъ пѣш-комъ. Но они доберутся до Сербіи, и дорога не обезсилитъ ихъ и не отни-метъ ни одного атома воодушевленія, гнѣва и ненависти, съ которыми они рвутся въ бой.

Съ перевозчикомъ туркомъ у нихъ выходитъ маленькое недоразумѣніе итъ-

Жертва германскаго варварства.

Сѣверная башня и верхняя часть фасада Реймскаго собора, разрушеннаго гер-манцами.

за недоплаченной или переплаченной драхмы. Толпой вмѣстѣ съ туркомъ они подымаются на палубу, разомъ стуча сапогами, разомъ крича, разомъ жести-кулируя и разомъ сверкая страшными бѣлками глазъ.

Вдругъ одинъ изъ сербовъ, самый по-жилой, однимъ ударомъ валить турка съ ногъ и съ посѣрѣвшимъ отъ возбуж-денія лицомъ, облитымъ, какъ водой, потомъ, дрожа отъ неистовства, хва-тается за ножъ.

— Хочу его крови! — реветъ онъ на языкѣ, очень похожемъ на русскій... — Хочу его крови!

На него мгновенно бросаются, но четверо здоровенныхъ молодежь едва въ силахъ его удержать. Онъ дергается и трясется всѣхъ, порываясь впередъ, и продолжаетъ дико вопить, не помня себя.

— Хочу его крови!

Онъ искренно хочетъ зарѣзать турка, который его обчиталъ. Онъ молитъ, чтобъ ему это позволили. Онъ дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобъ стать ближе къ врагу, и грозитъ, что перехватитъ самому себѣ глотку, если ему не позво-лятъ сейчасъ же перехватить глотку турку.

— Хочу его крови!

Онъ обливаетъ турка ушами са-мыхъ грязныхъ, самыхъ циничныхъ и отборныхъ ругательствъ, ругаетъ всю его, невѣдомую ему, родню, всю Тур-цію, Магомета и всѣхъ его родственни-ковъ, султана и всѣхъ его родственни-ковъ. Онъ не можетъ успокоиться...

— Хочу его крови!..

Кто-то изъ пассажировъ, сбѣжавшій на шумъ на нижнюю палубу, добываетъ

Жертвы германского варварства.

Развалины старинного бельгийского города Лувена, сожженного и разрушенного германцами из-за геройское сопротивление Лувенского гарнизона.

(Съ фот. спец. корр. „Во. Пам.“).

ся узнать, въ чемъ дѣло. Онъ по-русски справляется объ этомъ у другого серба.

И вопросъ, заданный по-русски, спасаетъ турка.

Только что дергавшийся сербъ, только что чуть не плакавший, что ему не позволяютъ покончить съ туркомъ, въ одинъ мигъ вдругъ притихаетъ, забываетъ про турка и поворачиваетъ къ спрашивающему страшное еще лицо. Но въ глазахъ уже исчезло бѣшенство, въ нихъ радостное изумленіе.

— Русскій?—спрашиваетъ онъ и по-рывисто протягивается широченная грязная лапа, недавно такъ яростно грозившая.

— Братушка!..

И вытирая одной рукой потъ, который градомъ падаетъ съ его лица, и потрясая другой съ испуганнымъ еще жестомъ, онъ первымъ дѣломъ выкрикиваетъ то, что составляетъ его единственную завѣтную, пламенную мечту и что должно найти у насъ откликъ:

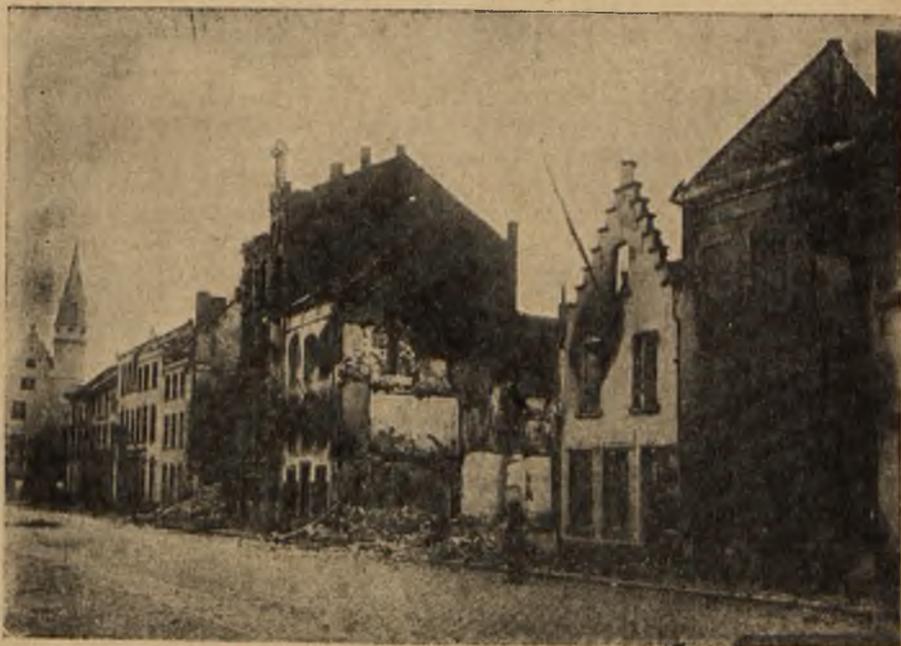
— Черезъ Вѣну на Берлинъ!

— Черезъ Вѣну на Берлинъ!—повторяетъ онъ, вращая кругомъ страшными глазами..

И у всѣхъ сербовъ также мрачно вспыхиваютъ глаза.

Это ихъ общее, страстное, неудержимое желаніе...

Для серба австриецъ не тотъ «врагъ», понятіе о которомъ можетъ расплыться во что-то неопредѣленное и безличное. Сербъ не долженъ представлять себѣ

Улица въ бельгийскомъ городѣ Турноа, разрушенная германской бомбардировкой.

(Съ фот. С. Давковича).

этого врага, онъ отлично знаетъ его). Онъ сталкивается съ нимъ всю жизнь и выталь къ нему ненависть съ молокомъ матери. Каждый Милованъ, Миловзоръ и Свѣтозаръ знаетъ какого-нибудь Фрица, Франца или Карла, который или истопталъ его поле, или изнасиловалъ его жену, или угналъ его скотину, или сжегъ его дѣмъ... И Сербія, это сплотившіеся Миловзоры и Свѣтозары, которые идутъ противъ этихъ Фрицовъ и Францовъ, сплотившихся въ Австріи. Тутъ озлобленіе и ненависть доходятъ до послѣдней наивысшей точки. И исходъ такой борьбы, конечно, можно предвидѣть: сербы или побѣдятъ, или всё лягутъ костями.

Сербы счастливы, что встрѣтились съ ними. Они не думали, что пароходъ переполненъ русскими, сынами ихъ великой старшей сестры, только что такъ властно подавшей свой голосъ и выступившей на ихъ защиту. Они по одному выползаютъ на верхнюю палубу, обходятъ насъ всѣхъ и, ужъ не зная чѣмъ намъ угодить, становятся въ кругъ и начинаютъ пѣть воинственные песни ихъ маленькой героической родины.

— Черезъ Вѣну на Берлинъ!

Это были слова, которыми они насъ приветствовали, и эти слова—послѣднія, съ которыми они насъ покидаютъ.

Корфу уже давно за нами. Мы плывемъ вдоль береговъ Албаніи, вдоль длинной цѣпи горъ, гдѣ на вершинахъ маленькое племя свило свои орлиныя гнѣзда. Эти горы необыкновенно красивы, легкая дымка придаетъ имъ какую-то призрачность, и въ соединеніи съ тихой, густой, какъ масло, изумрудной водой, на которой даже и ряби нѣтъ, онѣ даютъ впечатлѣніе мирнаго швейцарскаго вида гдѣ-нибудь на Женевскомъ, Тунскомъ или Фирвальдштетскомъ озерѣ.

Мы плывемъ мимо этихъ горъ очень долго. Потомъ наступаетъ задумчивый золотой вечеръ, и изъ каютъ и столовыхъ всѣ высыпаютъ на верхнюю палубу и кругомъ облѣпливаютъ борта. Такъ хорошо, что чуть-чуть забывается и тѣснота, и пережитое, и то, что можно ожидать насъ въ будущемъ... Слишкомъ хорошо... Слышенъ подавленный смѣхъ... Шепчутся голоса... Кое-гдѣ парами уединяются.

Нѣмцы хозяйничаютъ...

Пусть съ багажемъ и потерялись новыя кофточка, пусть нѣтъ уборныхъ, гдѣ можно бы сносно причесаться, пусть легкимъ слоемъ осѣла на лица сажа, которая валитъ изъ паровой трубы,— молодость сама по себѣ такая большая заслуга, что во имя ея можно многое простить... И молоденькія дѣвушки вспоминаютъ, что онѣ молоденькія. Онѣ еще прислушиваются однимъ ухомъ къ степенному разсужденію взрослыхъ о томъ, какъ въ Турціи сажаютъ на колы, и глаза ихъ еще широко и испуганно открыты, но другимъ ухомъ онѣ уже прислушиваются къ другимъ словамъ, немножко старымъ, какъ всѣ слова, которыя повторяются изъ вѣка въ вѣкъ въ минуты, когда наступаетъ золотой вечеръ.

За то утро приносить намъ неприятный сюрпризъ. Мы подходимъ къ Патрасу, и откуда-то распространяется вдругъ зловѣщая вѣсть, что пароходъ до Константинополя никоимъ образомъ не дойдетъ, что его вернуть съ дороги, такъ какъ онъ не успѣетъ обогнуть Балканскаго полуострова до закрытія турками Дарданеллъ.

О закрытіи Дарданеллъ говорятъ уже, какъ о чемъ-то, вполне рѣшенномъ. Это вопросъ только времени. Паро-

ходъ долженъ придти въ Константино, по расчету, черезъ пятеро сутокъ—а Дарданеллы закроютъ черезъ четверо. Нужно выгадать, слѣдовательно, сутки, а выгадать можно, если вѣхать изъ Патраса въ Пирей сухимъ путемъ и тамъ сѣсть на другой пароходъ.

Такимъ образомъ, мы одновременно и узнаемъ о томъ, что положеніе осложнилось, и получаемъ готовый выходъ изъ этого положенія. Въ Патрасѣ надо сѣзжать на берегъ, но не медля ни секунды сѣзжать, потому что пароходъ стоитъ всего часъ. Какъ бросить якорь—такъ вонъ...

И мы считаемъ лишнимъ разсуждать, да и времени нѣтъ... Кто-то, значить, навѣрняка узналъ и—да благословить его небо за это—насъ предупредилъ. И мы бѣжимъ.

Пѣть, никогда не забуду этого утра. Теперь, спустя мѣсяць, я точно знаю, что пароходы черезъ Дарданеллы проходили и послѣ насъ проходили весь этотъ мѣсяць, проходить и теперь. Какой же злой демонъ руководилъ нами, заставляя насъ такъ бросаться и создавая опасности тамъ, гдѣ ихъ не было?..

Паника захватываетъ, впрочемъ, не только насъ. Совѣтникъ N-аго посоль-

Пѣхотная застава.

ства, человекъ, видавшій виды, по роду службы обязанный разбираться въ международныхъ отношеніяхъ и знать, что можно и чего нельзя ждать, растерянь и безпомощень, какъ и мы, также ловить на лету слухъ и бѣжить вмѣстѣ съ нами.

Это происходитъ въ шесть часовъ утра. Мы еще не умывались, ничего не пили. Полусонные, съ помятыми лицами, мы бросаемся къ своимъ вещамъ, разбросаннымъ какія гдѣ. Носильщиковъ нѣтъ, матросы заняты разгрузкой и приемкой груза, палуба сплошь загромождена людьми и тюками, и черезъ эту палубу, гдѣ насъ толкаютъ, топчутъ, встрѣчаютъ и провожаютъ яростными окриками, мы должны сами тащить свои вещи, всѣ эти чемоданы, плотики завязанные порть-пледы, подушки, картонки, и со всѣмъ этимъ грузомъ, обхватывая его руками, складками живота, дожмая его подбородками, бѣжать внизъ по легкому трапу, который качается изъ стороны въ сторону...

Женщины себя не помнятъ. Онѣ забыли одно, растеряли другое, онѣ мечутся, какъ полумумныя, онѣ изнемогаютъ, онѣ не въ силахъ тащить вещей, то одна, то другая дико вскрикиваетъ и начинать биться въ истерикѣ. Мимо насъ, и по дорогѣ стучаясь о насъ, внизъ, въ прыгающія лодки, гдѣ сидитъ въ неповнятомъ языкѣ, кричатъ ожидающіе насъ греки-лодочники, летятъ тюки, летятъ люди... И къ довершенію всего поднимается качка...

Нѣтъ, я не забуду этого утра.

Потомъ въ Патрасѣ, въ этомъ маленькомъ, вонючемъ, грязномъ городкѣ, который, кажется, весь состоитъ изъ трехъ маленькихъ и вонючихъ, грязныхъ кофеенъ...

Вещи уже связаны, уже побывали въ таможенѣ, уже имѣютъ наклейки, сложены около того мѣста, къ которому

долженъ подойти поѣздъ (вокзала нѣтъ, начало рельсоваго пути среди загаженной площади и есть вокзалъ), и у насъ двадцать минутъ свободного времени въ распоряженіи.

Я умираю отъ жажды, во рту пересохло, языкъ одеревенѣлъ, я жизнь готовъ отдать за глотокъ чаю.

Я подхожу къ первой кофейнѣ и начинаю объясняться съ оборванцемъ лакеемъ. Я объясняюсь съ нимъ на всѣхъ языкахъ, какіе знаю. Я хочу дать ему понять, что мнѣ нуженъ стаканъ чая, стаканъ простого чая, самаго простого, самаго обыденнаго, и что я готовъ заплатить за него въ три, въ десять, въ сто разъ больше, чѣмъ онъ стоитъ.

Но онъ меня не понимаетъ. Онъ знаетъ только одинъ языкъ—греческій.

Я ищу глазами хоть одного человека, который пилъ бы чай, чтобы наглядно объяснить, что именно мнѣ нужно. Но никто кругомъ чая не пьетъ.

Я припоминаю, какъ чай по-испански, по-турецки, по-болгарски. Онъ не понимаетъ. По-сербски. Не понимаетъ.

Я показываю ему, наконецъ, жестами: мнѣ нужна жидкость... нѣчто льющееся... Потомъ показываю на горло и дѣлаю страшные глаза: это значить, что жидкость должна быть горячая, должна обжигать горло...

И, о чудо, онъ кажется понялъ меня. — Мاستика?—произноситъ онъ вопросительно.

Я радостно и быстро киваю головой. Я не допускаю мысли, что онъ и теперь меня не понялъ.

И оборванецъ приноситъ мнѣ стаканъ зеленой бурды, которую я принимаю сначала за лимонадъ, но которая послѣ пробы—я отхватилъ сразу полъ стакана—оказывается крѣпчайшей водкой...

Земля начинаетъ плыть у меня подъ ногами, и я прислоняюсь въ изнеможении къ стѣнѣ.

— Господи!—шепчу я въ отчаяніи.— Я просилъ у этого кретина одинъ глотокъ чая... Больше я у него ничего не просилъ... Одинъ глотокъ...

Я шепчу вслухъ и кретинъ прислушивается.

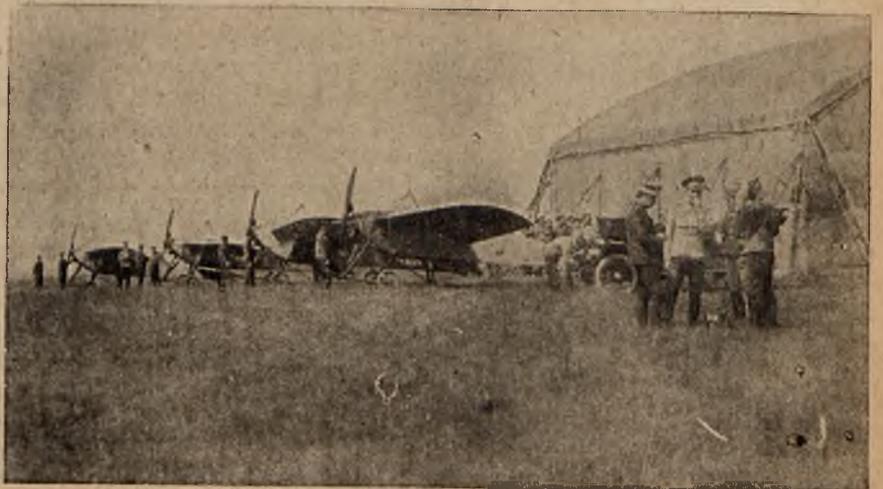
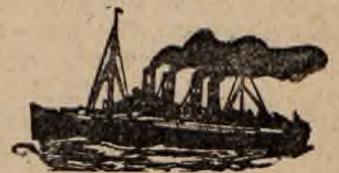
— Чай?—переспрашиваетъ онъ удивленно, и губы его растягиваются въ идиотскую улыбку.

И онъ уходитъ и приносить мнѣ стаканъ чая ровно за минуту до отхода поѣзда, когда чая уже нѣтъ возможности пить...

Чай, оказывается, и по-русски и по-гречески «чай», но русскій языкъ, единственный, котораго я не рѣшился пустить въ ходъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный, на которомъ этотъ кретинъ могъ бы меня понять...

Левъ Максимъ.

(Прод. въ слѣд. номеръ).

Стоянка аэроплановъ.

Великая битва на Марнѣ.

Мостъ на Марнѣ. въ Ланви. разрушенный французами, чтобы лишить германцевъ возможности переправить свои войска на другой берегъ.

(Съ фотогр. С. Левковича).

ШПІОНЪ ЛУПИ.

(Изъ случайныхъ встрѣчъ).

Я встрѣтился съ Максомъ Лупи въ не совсѣмъ обычной обстановкѣ.

Года три назадъ я жилъ въ Монте-Карло. Черезъ семь дней, похожихъ одинъ на другой,—утромъ прогулка, ватмъ завтракъ, въ три часа въ «казино» —а тамъ ужъ до закрытія,—я понялъ, что отсюда не уѣзжаютъ. И хотя ежедневный подсчетъ моей скромной кассы, съ неумолимой логичностью факта,—доказывалъ, что еще два, еще три, наконецъ, четыре дня,—и я, волей-неволей долженъ буду отсюда уѣхать, но чувство игрока говорило иное. Каждый день я надѣялся, что «это» произойдетъ сегодня, именно сегодня. «Это»—крупный выигрышъ. Но день проходилъ и «это» не случилось...

Въ воскресенье я получилъ телеграмму изъ Россіи. Надо было ѣхать! Но какъ ѣхать, когда здѣсь «можно выиграть»!..

Я рѣшилъ пойти въ послѣдній разъ въ Казино.

Въ залѣ было, какъ всегда, тѣсно и душно. Крупье выкрикивали номера, сновали лакеи, и суетилась шумная пестрая, международная толпа игроковъ. Величественные лорды, юркіе смуглые итальянцы, какіе-то черезчуръ шикарные молодые люди, въ слишкомъ элегантныхъ визиткахъ, съ слишкомъ ровными проборами, старѣющія дамы съ затѣливой гримировкой на лицѣ... Всѣ играютъ, всѣ волнуются, у всѣхъ сосредоточенныя, непріязненные лица.

Я подошелъ къ первому столу и поставилъ на «черное».

— «Красное»,—крикнулъ крупье.

Потомъ я поставилъ на «четъ», вышелъ «нечетъ», ставилъ на цифры, на колонны, на «шваль»,—и все проигрывалъ.

Черезъ четверть часа я проигралъ все, что было у меня въ бумажникѣ. Осталось нѣсколько золотыхъ въ портмонѣ, но они остались въ карманѣ пальто.

Нужно испытать состояніе игрока, чтобы понять, какъ тяжело оторваться отъ игры, хотя бы на нѣсколько минутъ. Что тутъ дѣлать?..

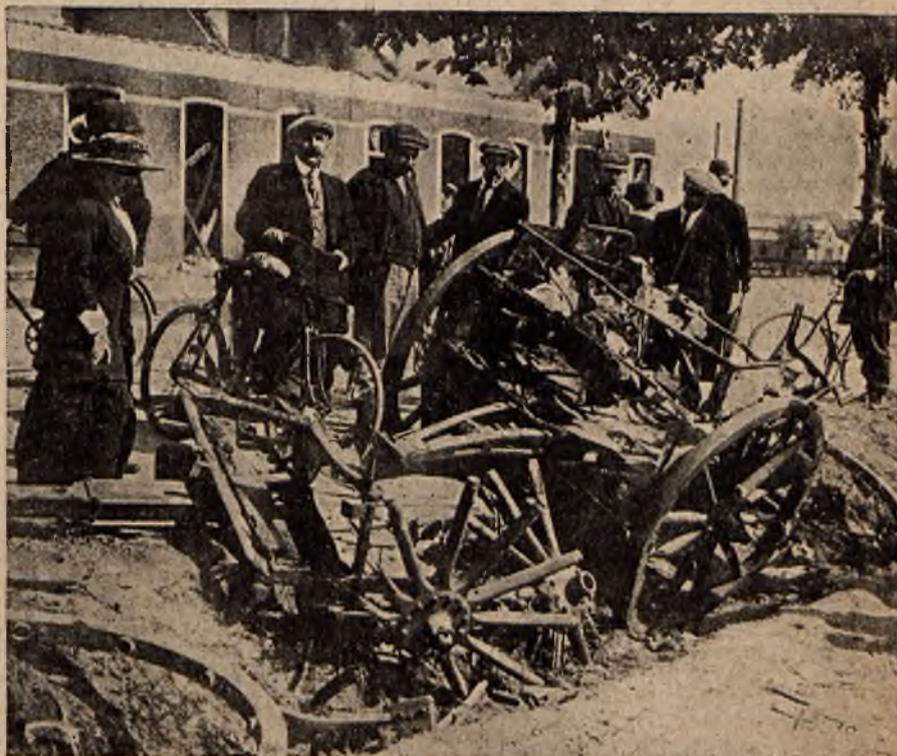
— Простите,—услышалъ я за собой пріятный, тихій голосъ.

Сзади меня стоялъ изящный брюнетъ,

красивый, очень смуглый,—не то итальянецъ, не то грекъ.

— Извините меня, мнѣ кажется, вы собираетесь уходить. Разрѣшите мнѣ одолжить вамъ пятьдесятъ франковъ,—у меня счастливая рука... вы непременно выиграете...

Я недоумѣвалъ. Такое предложеніе въ казино, гдѣ всѣ враги, гдѣ никто никогда никому не помогаетъ, казалось страннымъ, прямо подозрительнымъ. Но

Германское орудіе послѣ обстрѣла его французской артиллеріей.

(Съ фотогр. С. Левковича).

Супруга военного министра, Е. В. Сухо-
млиннова, в лазаретъ для раненыхъ
воиновъ.
(Съ фот. Я. Штейнберга).

въ это время крупье сказалъ свое ма-
гическое—«дѣлайте вашу игру», я взялъ
пятьдесятъ франковъ и поставилъ на
столь.

— Тридцать пять!..

Я выигралъ двѣсти франковъ, вернулъ
моему странному сосѣду долгъ и про-
должалъ играть.

Къ двѣнадцати часамъ возлѣ моего
сосѣда лежала цѣлая груда золота и
бумажекъ. А я отыгралъ весь свой не-
дѣльный проигрышъ и еще имѣлъ, какъ
говорятъ «игроки», «наваръ» въ нѣсколь-
ко сотъ франковъ.

— Если вы свободны, зайдемте поужи-
нать въ «Кафѣ де Пари»,—обратился ко
мнѣ мой благодѣтель.

Отказываться было неудобно. Я со-
гласился, и мы пошли.

Мой новый знакомый назвался инже-
неромъ Максомъ Лули изъ Вѣны. Это
былъ очаровательный, равносторонній
собесѣдникъ. Онъ зналъ все,—политику
и литературу, искусство и биржу, цер-
ковныя дѣла и городскія сплетни всѣхъ
европейскихъ столицъ.

На слѣдующій день мы встрѣтились
въ условленный часъ на террасѣ. Прошло
пять дней, и я уже не разставался съ Лули.
Мы вмѣстѣ гуляли, завтракали, ѣздили
въ Ниццу, вмѣстѣ играли, вмѣстѣужи-
нали.

Какъ-то мы отправились вдвоемъ на
моторной лодкѣ въ Геную. Лазурное
море, все въ искрахъ горячаго, южнаго
солнца, а берегъ бѣжитъ, пестря ска-
листыми террасами, какъ одинъ гро-
мадный сказочный паркъ.

Лули сидѣлъ за рулемъ и мечтательно
посасывалъ гаванну.

— Мой дорогой другъ, вотъ мы съ
вами живемъ, почти недѣлю, дружьями.
Черезъ нѣсколько дней уѣдете вы, по-
томъ уѣду я... Мы, быть можетъ, нико-
гда никогда больше не встрѣтимся...

Развѣ какой-нибудь случай... Вы даже
не знаете, кто я такой... Вы не любо-
пытны. Ни разу даже не спросили:—что
я строю, гдѣ мой заводъ, гдѣ мои техни-
ческія конторы... Такъ вотъ знайте, я
вовсе не инженеръ. Я—шпіонъ...

Лули замолчалъ и смотрѣлъ на меня
немного насмѣшливымъ, немного испы-
тующимъ взглядомъ.

Я почувствовалъ себя неловко,—встрѣ-
чаться ежедневно, проводить время съ
шпіономъ...

— Хотите узнать, какъ я работаю...
Вѣдь для журналиста это такой рѣд-
кій, заманчивый случай,—познакомить-
ся съ шпіономъ. Я могу рассказать вамъ
много интереснаго...

* * *

Я узналъ всю исторію Макса.

Лули происходилъ изъ зажиточной
вѣнской семьи. Кончилъ гимназію и по-
ступилъ въ университетъ. Начались ку-
тежи, началась безпутная жизнь буй-
ной, безразсудной молодости. Звала
жизнь со всѣми ея влекущими соблаз-

Ген.-лейт. Драгомировъ, пожалованный
орденомъ св. Георгія 4-й степени.
(Съ фот. Я. Штейнберга).

нами, съ шумнымъ «Пратеромъ», съ феше-
небельными ресторанами и красивыми
женщинами.

Лули нуждался въ деньгахъ. У отца
не было. Онъ обратился къ ростовщикамъ,
поставилъ чужую подпись на вексель и
попался. Дѣло кое-какъ замяли, но каръ-
ера Лули была испорчена. Онъ уѣхалъ
на югъ, въ Далмацію, пытался пристро-
иться, но полицейскій штампъ на его
«легитимационной карточкѣ» закрывалъ
ему двери. Лули сталъ репортеромъ.
Года два писалъ онъ хроникерскія за-
мѣтки въ триестской газетѣ. Но послѣ ка-
кой-то некрасивой исторіи съ француз-
ской пѣвицей Лули долженъ былъ уйти
изъ редакціи. Еще годъ скитался онъ въ
далматійскихъ портахъ,—былъ магно-
сомъ, грузчикомъ, странствующимъ
актеромъ и даже католическимъ мис-
сіонеромъ. Вдругъ опять какая-то не-
приятность съ властями, и Лули снова въ
Вѣнѣ.

Родиче отъ него отвернулись. Работы
нигдѣ не даютъ. Впереди полная нищета,
голодь...

Лули обратился въ канцелярію воен-
наго министерства и черезъ пару дней
уѣзжалъ хорошо одѣтымъ, съ солиднымъ
чемоданомъ, въ Черногорію. А въ бумаж-
никѣ такъ пріятно шелестѣли новень-
кія австрійскія кроны...

* * *

Лули зналъ основательно сербскій
языкъ, и его командировали въ Цетинье.
Онъ пріѣхалъ туда подъ видомъ фран-
цузскаго социалиста, проникъ въ среду
депутатовъ и черезъ три дня зналъ уже
все, что ему было нужно...

Затѣмъ Лули кочуетъ по всей Европѣ.
Въ Босніи Лули—сербскій «комита», под-
стрекающій къ анти-австрійскимъ без-
порядкамъ; въ Бѣлградѣ онъ итальян-
скій купецъ, въ Парижѣ—русскій помѣ-
щикъ, въ Варшавѣ—представитель фир-
мы сельско-хозяйственныхъ машинъ, въ
Италіи—художникъ изъ Мюнхена...

Лули зарабатывалъ огромныя деньги.
Тысячи, много тысячъ кронъ получилъ
онъ изъ Вѣны. И, дѣйствительно, ему
платили недаромъ. Лули доставалъ са-
мыя секретныя, самыя сокровенныя свѣ-
дѣнія и планы.

Въ Парижѣ Лули едва не попался.
Его пришли арестовать. Лули не расте-
рялся и вылѣзъ черезъ окно на крышу,
совершилъ цѣлое путешествіе по кры-
шамъ парижскихъ домовъ, пока не спу-
стился внизъ, сълѣвъ въ «ото», крикнулъ
шоферу «Gare de Lion» и на утро былъ въ
Италіи!

Однажды лѣтомъ Лули жилъ на Лидо
въ Венеціи. Онъ долженъ былъ выкрасть
важную дипломатическую переписку у
одного сановника—представителя вели-
кой державы. На несчастье, въ Лули
влюбилась жена сановника. Ночью онъ
зашелъ въ ея номеръ и, воспользовав-
шись ея сномъ, вынулъ изъ письменнаго
стола пакетъ.

Жена посла застрѣлилась, когда от-
крыла тайну шпіона...

Лули имѣлъ уже крупный капиталъ,
но не хотѣлъ бросать своего опаснаго
ремесла.

— Я не могу жить безъ работы. Я ни-
чего не умѣю, ничего не знаю. Шпіонство
—единственное мое дѣло. Я люблю опас-
ность. Вѣдь рано или поздно меня по-
вѣсятъ. Кто повѣситъ—не знаю: итальян-
цы, французы, сербы или русскіе,—но
вѣдь это не важно...

Лули показалъ мнѣ въ Монако «Са-

Ген.-лейт. Алексѣевъ, пожалованный ор-
деномъ св. Георгія 4-й степени.

(Съ фот. Я. Штейнберга).

fe des Amis». Здѣсь—центръ международнаго шпіонажа. Своего рода биржа шпіоновъ! Въ пять часовъ здѣсь полно. Какіе-то изящные фланеры, молодцоватые штатскіе, въ которыхъ сразу угадываешь военную выправку, католическіе аббаты, элегантныя дамы съ наглыми, накрашенными лицами. Здѣсь встрѣчаются покупатели и продавцы.

Лули—постоянный премьеръ этого кафе. За его столикомъ всегда сидѣли покупатели.

Въ семь часовъ кафе обычно пустѣетъ. Биржа закрыта... До завтрашняго дня.

* * *

Лули вызвали телеграммой въ Вѣну. Онъ быстро собрался и передъ отъѣздомъ на вокзалъ заѣхалъ ко мнѣ.

— Ну, до свиданья. Ёду по дѣлу. Предстоитъ что-то серьезное. Можетъ быть, и никогда не увидимся. Прощайте!..

Лули уѣхалъ, а черезъ два дня уѣхалъ и я.

И странный человекъ, какой-то фантазмъ, словно вырванный изъ увлекательныхъ страницъ бульварной беллетристики, расплылся въ дорожной сумятицѣ, въ сутолокѣ петербургскихъ будней, въ дѣлахъ и работѣ. Я совершенно позабылъ о шпіонѣ.

И только черезъ два года мнѣ случайно попался въ руки номеръ «Wiener Journal». Ища глазами статью о сербскомъ вопросѣ, я натолкнулся на коротенькую телеграмму изъ Ниццы:—«Вчера ночью на набережной въ кафе застрѣлился инженеръ Лули изъ Вѣны».

Какая трагедія разыгралась въ бурной жизни шпіона—это, навѣрное, осталось тайной.

* * *

...Въ наши жуткіе дни великой славянской борьбы съ германизмомъ я невольно вспомнилъ о чудовищной организации австрійскаго шпіонажа—этихъ «габсбургскихъ шупальцевъ». Мой случайный Максъ Лули былъ однимъ изъ многихъ этого позорнаго легіона. Но помогли ли они слабой, разлагающейся Австріи? Какъ видно, нѣтъ...

А. Г.—вѣ.

Турецкій Наполеонъ.

Энверъ-паша.—Еще лишь Ватерлоо да островъ св. Елены—и слава турецкаго Наполеона за мной укрѣплена на вѣки...

СЪ БОСФОРА.

(Отъ нашего корреспондента).

Парадъ на Окъ-Мейданѣ.

Все, какъ будто, налажено въ Турціи стараніями Сандерса-паши. Флотъ ея и армія наводнены нѣмцами. Нѣмцы на Босфорѣ, въ Дарданеллахъ, на Перѣ, въ Галатѣ, въ Сублимъ-портѣ, въ Долма-Бахче—резиденціи султана, въ сераскеріатѣ—военномъ министерствѣ. Вся турецкая печать разсыпается въ комплиментахъ Вильгельму и фонъ-Гольцу. По инициативѣ его-же, Сандерса, тройственнымъ согласію брошена перчатка въ видѣ отмѣны капитуляціи, сопровождавшейся невиданной въ стѣнахъ Константинополя помпой. Вся турецкая военная партія—въ рукахъ нѣмцевъ. Задавленъ массовыми разстрѣлами и висѣлицами протестъ мирнаго населенія противъ войны. Изъ Сиріи пригнаны войска. Только нажать еще

одну пружинку, и Турція слѣпо пойдетъ на поводу у кайзера. Это всѣмъ уже ясно. Массами покидаютъ Константинополь бельгійцы, французы, англичане. Не сегодня—завтра придется сложиться и мнѣ и убраться во-свояси.

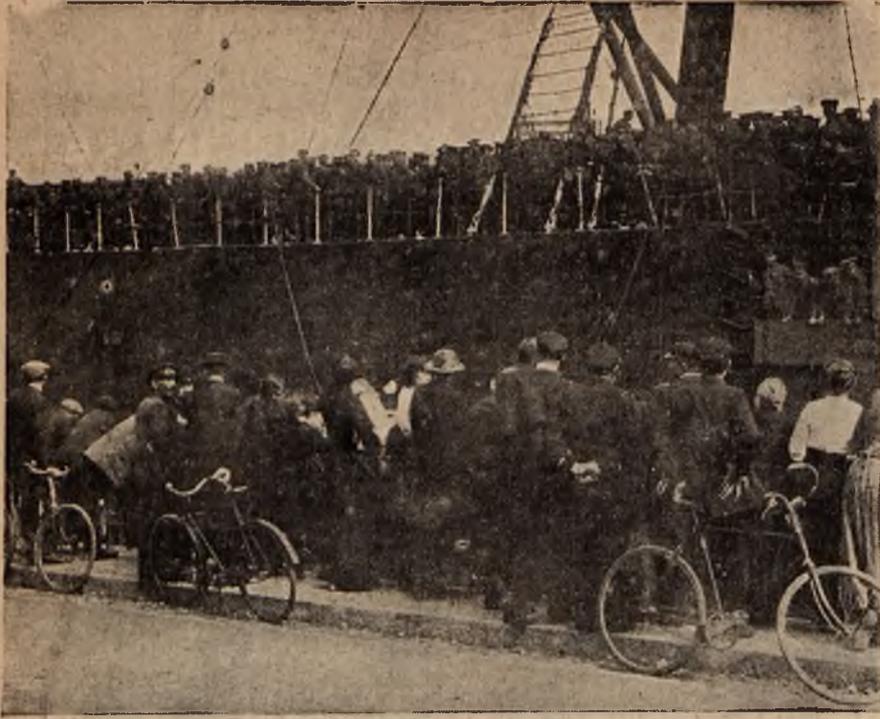
Итакъ, съ Турціей у Германіи почти рѣшено. Только вотъ загвоздка. Никакъ не уломать Болгарію. Съ нею такъ уже шло хорошо. Надо было провезти черезъ ея территорію вагонъ съ нѣмецкимъ оружіемъ, и она, соблюдая «строгій нейтралитетъ», пропустила вагонъ, оправдываясь потомъ, что не была осведомлена о настоящемъ грузѣ. Она и впредь сохраняла-бы подобнымъ манеромъ нейтралитетъ, если-бы не побѣды русскихъ въ Галліи. Занятіе Тарнополя и Львова заставили ее нѣсколько настроиться. «А что, если Россія вый-

детъ побѣдительницей изъ создавагося положенія, что очень возможно. Какъ ей тогда быть?» Болгарія нѣсколько повернулась спиной къ заигрывающимъ съ нею Австріи и Германіи и заулыбалась Россіи. Сандерсу, измученному колебаніемъ турокъ, не пришлось это по вкусу, и онъ рѣшилъ окончательно подѣйствовать на Болгарію. Съ этой цѣлью онъ устроилъ на-дняхъ въ присутствіи султана смотръ турецкимъ войскамъ и пригласилъ болгарскаго посланника Топчева. Парадъ собственно устроенъ былъ главнымъ образомъ для Топчева, который долженъ былъ увидѣть турецкую армію въ «полномъ блескѣ» и убѣдиться въ ея боевой готовности и кредитоспособности.

Парадъ происходилъ на «Окъ-Мейданѣ»—обширномъ стрѣльбищномъ полѣ за городомъ, съ котораго открывался прелестный видъ на Босфоръ, Хаскей—селеніе сефардовъ (испанскихъ евреевъ), дальній Эйюбъ—мѣсто коронаванія, вѣрнѣе опоясанія мечомъ Османовъ турецкихъ султановъ.

На поле было согнано много войска. Стоя въ толпѣ, я видѣлъ, какъ церемоніальнымъ маршемъ проходила пѣхота и аттли (конница). Сандерсъ во время прохожденія, одѣтый въ миниатюрную

Наши союзники.

Высадка английских вспомогательных войск во французском порту.
(Съ фот. С. Левовича).

феску, съ усами, какъ у кайзера, штопорами вверхъ, тыкалъ въ войска рукой, зятанутой въ бѣлую перчатку и, наклонясь къ Топчеву, что-то напѣвалъ ему. Околѣ вертѣлся въ ономъ сіяющій Энверъ, а въ двухъ шагахъ, грузно опираясь на золотой, въ драгоценныхъ камняхъ, палашъ, стоялъ старый Решадъ и кивалъ въ знакъ одобренія головой.

Сандерсъ и тутъ передергивалъ, какъ передергивалъ, сообщая турецкому народу черезъ правительственные турецкіе органы о несуществующихъ побѣдахъ нѣмцевъ въ Восточной Пруссіи и подъ Парижемъ. Онъ пропустилъ дважды зуавовъ,—декоративные полки въ зеленыхъ чалмахъ, специально предназначенныхъ для селямликъ, и часть анатолійской конницы, а сбродъ изъ курдовъ, вооруженныхъ старыми карабинами и наспѣхъ обученныхъ, куда-то припряталъ.

Показалъ онъ и флотскій экипажъ своихъ нѣмцевъ, замѣнившихъ на турецкихъ крейсерахъ всѣхъ турецкихъ матросовъ и офицеровъ.

Неизвѣстно, какъ подѣйствовалъ парадъ, устроенный Сандерсомъ, на болгарскаго посланника Топчева и удалось-ли соблазнить его. Будущее покажетъ.

Турецкія висѣлицы.

Турецкое правительство, видимо, стосковалось по висѣлицамъ. Давно оно никого не вѣшало и рѣшило снова для острастки населенія, осмѣливъ ющагося выказывать, хотя и робко, неудовольствіе военной партіей, водрузить на улицахъ Константинополя висѣлицы.

Жертвами правительства на этотъ разъ явились скромные и незамѣтные почтовые чиновники. Ихъ было четверо; они, какъ говорятъ, перехватывали адресованныя нѣкоторымъ министрамъ письма.

По шаріату преступниковъ наказываютъ на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ со-

вершены ими преступления. Такъ въ знаменитую турецкую контръ-революцію на Галатскомъ мосту повѣсили двоихъ солдатъ и офицера, заколовшихъ на томъ-же мосту виднаго младо-турецкаго дѣятеля.

Почтовые чиновники совершили преступное дѣяніе въ Стамбулѣ, въ почтамтѣ, и потому ихъ повѣсили передъ самымъ почтамтомъ.

Повѣшены они были на варѣ и висѣли шесть часовъ, въ теченіе которыхъ въ Стамбулѣ перебивалъ весь Константинополь. Особенно этимъ зрѣлищемъ за-

интересовались нѣмцы, наводняющіе сейчасъ столицу оттомановъ. Они толпами валили къ висѣлицамъ.

За время контръ-революціи я достаточно навидался этихъ картинъ. Помню устроенную въ одинъ день младотурками ужаснѣйшую бойню. Передъ парламентомъ, на Галатскомъ мосту и передъ мечетью Баязета было повѣшено до тридцати человѣкъ, причемъ въ одномъ мѣстѣ рядышкомъ были повѣшены отецъ-полковникъ и сынъ. Всѣ тридцать человѣкъ, частью совершенно невинныхъ, висѣли, по выраженію ликовавшей тогда буржуазной греческой газеты, какъ чорба (особая сушеная константинопольская рыбка).

Я ходилъ тогда отъ висѣлицы къ висѣлицѣ, наблюдая равнодушную константинопольскую толпу, спокойно попивавшую газесь и поѣдавшую бублики съ тонкими ломтиками качкавала.

И сейчасъ я пошелъ въ Стамбулѣ. Съ трудомъ пробился я черезъ двадцатитысячную людскую толпу. Вотъ онѣ, эти висѣлицы, сооруженныя примитивно изъ трехъ деревянныхъ, косо поставленныхъ дрючковъ. Къ каждой подвязанъ человѣкъ въ фескѣ и бѣломъ халатѣ. Веревка наискось перерѣзала набухшую шею, голова наклонена въ сторону. Лицо, послѣ долгой борьбы съ палачемъ-цыганомъ, покорно-успокоенное.

— Газесь! Газесь!—оретъ подъ крайней висѣлицей, весело повязкивая стаканами, продавецъ лимонада.

Еще два часа повисятъ они, а потомъ этихъ мирныхъ чиновниковъ, такъ недавно, съ истинно-восточной вѣжливостью выдававшихъ вамъ корреспонденцію и наклеивавшихъ на конверты марки, снимутъ съ висѣлицъ, бросятъ, какъ соръ, въ грязныя колымажки и вывезутъ далеко, въ свалочное поле, куда бросаютъ всякую падаль. И когда наступитъ ночь, крадучись проберется туда черная фигура матери или жены одного изъ нихъ, отыщетъ его оплеванное, оскорбленное тѣло, припадетъ къ нему и ороситъ тихими незримыми слезами.

Джаффаръ-Бей.

Братъ къ помощь Италіи.

Отрядъ итальянскихъ добровольцевъ подъ начальствомъ Гарибальди, отправляющійся съ французскими флагами на помощь французамъ.

На что мы не обращаем внимания.

И одно государство Европы не приобрьтало себя колоний таким путем, как Германия.

История знает крупнейшие колониальные восстания в Индии против англичан, в испанских и в голландских колониях восстания, подавленные силой оружия, но в каждом из них есть одинаковая черта: туземцы подымали оружие против завоевателей спустя большие промежутки времени после своего покорения. Гордость даже самых маленьких цветных народов не допускала владычества белых; маленькая нация долгое время тайла мечту освобождения и бросалась в неравный бой с европейцами.

Совсем иное мы можем заметить в колониальных захватах Германии, которая посылала в неизвестные ей страны не передовые научные экспедиции, как это делали другие, а сразу выбрасывала полки солдат, которые захватывали уже окровавленные земли...

Начав много позже других свою колониальную политику, Германия неминуемо должна была брать себя территории, почему-либо незахваченные другими странами, к тому же все время сталкиваясь с уже обоснованными европейскими колониями, как это было в южной Африке или на Дальнем Востоке.

Начиная колонизацию какого-нибудь цветущего уголка земного шара с избивания жителей, Германия вносила туда сейчас же свою особую политику, которой не могли не возмущаться даже внутри самой Германии.

Много лет прошло с того момента, как Север Америки в своей героической борьбе с Югом на голову разбил идею рабовладельчества и работорговли. Вся Европа до того свыклась с мыслью, что работорговля—только сказка о старом времени, и во всем культурном мире на найдется ни одно работорговца, а между тем...

А между тем, всего только в 1894 году две влиятельные немецкие газеты, «Вперед» и «Гамбургское Эхо», дали ряд громких разоблачений, в которых черным по белому доказывали, что германские компании по берегам Гвинейского залива занимаются работорговлей и что делается это не совсем без ведома императорского правительства.

Так окровавленным оружием и стемой самых невообразимых тираний, Германия ввела в дальнюю Африку и Океанию. За двадцать лет последних лет XIX века она успела сделаться владычицей сильных и богатых колоний, и теперь мы присутствуем при разгроме Германии, выражаемом не только взятием той или иной позиции, или капитуляцией той или иной крепости, но при разгроме, о последствиях которого мы узнаем только после войны...

Когда нам сейчас приносят наряду с известиями о сражениях двух миллионов солдат, или гигантских осадах чудовишными орудиями, мы не можем заметить и оценить по достоинству короткую сухую телеграмму из какого-нибудь незнакомаго нам городка южной Африки,—а между тем на суд-

бу Германии, на всю ее дальнейшую политику этот факт, передаваемый незамеченной телеграммой, может иметь большее, чем семидневной бой, значение...

Вы читали, навѣрное, телеграмму о занятии Тоголанда англичанами?

Я твердо уверяю, что вы прочли ее, но сейчас же забыли.

Газеты снабдили телеграмму сухим примечанием, что Тоголанд находится у Беннинского залива, недалеко от устья Нигера и т. д. Потом появились телеграммы о столкновении у Камеруна, около германского Востока Африки—и все это проходит совершенно незамеченным...

А по одному из экономических справочников, германская торговля в одних только африканских колониях к 1890 году достигала таких размеров:

Тоголанд—5.864.000.
Камерун—13.897.000.
Германский Восток Африки — 14.579.000.
— Юго-запад—6.783.000.

Т. е. всего сорок один с лишним миллионов марок. Считая, что с 1890 года до нашего времени торговля эта увеличилась только на 25%, можно полагать, что она достигла суммы более пятидесяти миллионов...

Это только одна африканская колония.

Кроме того, у Германии есть громаднейшие и богатейшие колонии на острове Новая Гвинея, целый ряд островов, под общим названием Архипелага Бисмарка, Адмиралтейские острова, острова Самоа, остров Пасхи, злосчастный порт Кiao-Чiao и десятки других островов и колоний, разбросанных во всех углах земного шара.

Миллионы рублей шли на захват и колонизацию этих мест—вернее даже миллиарды, но миллиарды рублей все они должны были бы и приносить. Богатейшее сырье и хлеб с островов, золото, медь и алмазы Африки все это

должна была бы долгое время собирать Германия, но...

* * *

Но Германия бросила вызов всей Европе и во что бы эта война не вылилась, Германия уже потеряла или теряет каждый клочек земли, захваченный ею и заготовленный для потомства...

Во то время, как все державы трояственного соглашения ведут открытую, гигантскую борьбу с Германией, настоящая владычица морей—Англия ведет глухую, тайную, только потому, что многие могут понять истинное значение ее, исторически-грандиозной схватки с неевропейской Германией...

Весь английский флот разделен на 9 эскадр, из которых только, — так называемая «домашняя», подкрепленная другими, и Средиземная сражаются с германским флотом: все остальные пловучие крепости, медленно, верно и постепенно разрушают и отбирают германские владения повсюду. То, чем должна была жить Германия в будущем—отнимается. При таком положении, если бы Германии и выпало на долю—одержать ряд побед—все они не привели бы ни к какому результату. Она не может сделать ни одного территориального приобретения за счет Франции или России, слишком сильных, чтобы уступить ей хоть пядь земли, в то время, как сама она, час за часом, лишается питающих ее корней. А без них не может жить самый могучий ствол.

Выяснить этот вопрос я и хотел в моей заметке. Еще раз повторяю.—не пренебрегайте сведениями о другой, как-будто, незамеченной войне. Для Германии она не менее губительна и страшна, чем отчаянный бой на ее территории...

Во время войны всякое государство терпит поражения, но раны излечиваются—значительно хуже, когда государство начинает разлагаться: тогда оно побеждено еще до позорного мира...

Л. Арвадский.

Любят пленъ.

Все народы Европы сражаются, а австрийцы сдаются в плен. В конце концов, вся австрийская армия очутится в тылу неприятеля, но без оружия в руках. На нашем рисунке—группа австрийских солдат, сдавшихся в плен сержанту. Сербский офицер в Нише переписывает их, чтобы отправить в глубь страны. (Съ фот. спец. вып. «Во. Кав.»)

Женщины-солдаты.

В одной из петроградских газет появилось письмо, приглашающее женщин и девушек записываться в проектируемый военный отряд амазонок.

Автором письма и инициатором отряда явилась слушательница бестужевских курсов С. П. Юрьева. Адрес в письме был указанъ ея-же, и отправившись по этому адресу сотрудник «Всемирной Панорамы» имѣлъ возможность наблюдать, какъ происходитъ эта оригинальная попытка группы женщин выступить въ защиту родины организованнымъ и сильнымъ отрядомъ.

В небольшой комнатѣ собралось уже около двадцати различного возраста девушекъ и женщинъ.

Тутъ и совсѣмъ молоденькія дѣвушки 17-18 лѣтъ, и болѣе зрѣлаго вида дѣвочки, и даже дама лѣтъ 30-35 на видъ, съ сухимъ энергичнымъ лицомъ и папирисой въ рукѣ.

Почти всѣ, за исключеніемъ хозяйки квартиры, въ пальто и шляпахъ. Лица серьезны. Всѣ слушаютъ хозяйку, говорящую о цѣляхъ предполагаемаго отряда, о способахъ его сформированія и отправки на театръ войны.

Отрядъ амазонокъ предполагаетъ нести одинъ изъ слѣдующихъ видовъ военной службы: санитарный, военно-почтовый или развѣдочный. Средства для сформированія отряда, возможно, будутъ ассигнованы городомъ, участницы должны быть не моложе двадцати лѣтъ...

— Какъ-же такъ? Почему?—перебиваетъ хозяйку хорошенькая брюнетка съ покраснѣвшимъ отъ искренняго огорченія лицомъ:—почему двадцати лѣтъ?! Мнѣ только девятнадцать,—значитъ, я не смогу поступить въ отрядъ?!

— Къ сожалѣнію, нѣтъ,—твердо отвѣчаетъ хозяйка.

— Какъ жаль! Какъ жаль!—не унимается та,—а у насъ всѣ ушли на войну—и отецъ, и братья; неужели изъ-за одного года я должна буду остаться дома!

— Ничего не подѣлаешь, душечка,—подаетъ реплику дама съ папирисой.—Моложе двадцати лѣтъ никакъ нельзя брать...

— Ахъ, какъ жаль. — одновременно произносятъ и отдѣляются отъ подошвенника еще двѣ дѣвичьи фигуры,—значитъ и мнѣ нельзя?!

— И мнѣ?!

На минуту въ комнатѣ наступаетъ неловкое молчаніе. Затѣмъ всѣ заговариваютъ сразу.

Обсуждаютъ детали формировки отряда. Всѣ увлекаются, перебиваютъ другъ друга. Лица краснѣютъ, глаза блестятъ...

— Я глубоко увѣрена, — слышится крѣпкій голосъ дамы съ папирисой,—что намъ удастся организовать довольно солидный отрядъ.

— Безусловно, удастся,—горячо поддерживаетъ ее высокая стройная дѣвица въ вуали.

— А какая будетъ форма?—слышится изъ угла комнаты.

Не смотря на скромный тонъ вопроса, онъ все-же сразу овладеваетъ всеобщимъ вниманіемъ...

Г-жа Юрьева, организующая въ Петроградѣ отрядъ амазонокъ для отправленія на театръ военныхъ дѣйствій.
(Съ фот. С. Магазинера).

— Я думаю, что самое лучшее—черкеска... это и удобно, и красиво, и...

— А на головѣ—папахъ... Да-да! Папахъ! Не нужно будетъ шпилекъ, и волосы великолѣпно держатся...

— Ну, волосы!—говоритъ дама съ папирисой,—волосы, душечка, придется совсѣмъ снять...

— Отчего-же!—возражаютъ ей съ легкимъ испугомъ.—Зачѣмъ-же снимать волосы?.. Вотъ, сестры милосердія не снимаютъ, вѣдь...

— Такъ то сестры милосердія, а мы—солдаты... Гдѣ-же намъ одновременно успѣть и съ волосами возиться, и за лошадьми ухаживать, и, главное, службу нести...

— Сударыни!—пытается прекратить споръ хозяйка.—О костюмѣ и тому подобномъ еще рано говорить... Все это будетъ выработано на общихъ собраніяхъ...—Но ей опять не даютъ окончить. Въ двери, между тѣмъ, каждая пятьдесятъ минутъ стучать. Это приходятъ новыя будущія амазонки.

Вотъ входитъ полная краснощекая барышня въ пенснѣ.

— Вы госпожа Юрьева?

— Я.

— У васъ можно записаться въ...

— Пожалуйста.

Она подходит къ столу, на которомъ лежатъ три листа, и пишетъ на одномъ изъ нихъ.

Вслѣдъ за ней приходитъ худая, стройная и широкоплечая барышня серьезнымъ лицомъ и черными, умнымъ глазами...

Вслушавъ инициаторшу, она слегка морщится и разочарованно спрашиваетъ:

— Ахъ, такъ отряда еще нѣтъ? Онъ только въ проектѣ?!

— Да, но судя по тому, какой откликъ нашло мое письмо—отрядъ формируется въ самомъ непродолжительномъ времени...

Барышня съ минуту размышляетъ, затѣмъ подписывается и уходитъ.

Въ дверяхъ она сталкивается съ парочкой: женщиной, лѣтъ сорока, съ дочерью, скромной, робкой дѣвушкой лѣтъ восемнадцати...

— Вотъ дочку привела, — развязно начинаетъ мать,—какъ только прочла письмо, такъ и покою не даешь... «Веди, да веди!» Ну, вотъ и привела... Гдѣ тутъ у васъ принимать?

— Сколько лѣтъ вашей дочери?

— Восемнадцать минуло въ августѣ.

— Къ сожалѣнію, принять нельзя... у насъ только отъ 20 лѣтъ, не моложе.

— Какъ такъ? Почему?

Начинается споръ. Чтобы какъ-нибудь успокоить посѣтительницъ,—барышня записывается въ особую тетрадь и общаются «хлопотать», чтобы принимали и 18-тилѣтнихъ...

Всего подписей за два дня приема собрано г-жей Юрьевой около ста.

Что изъ этого выйдетъ, удастся-ли ей организовать отрядъ и разрѣшить-ли его начальство—неизвѣстно, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство, если не всѣ подписавшіяся, могли-бы быть великолѣпными солдатами—по крайней мѣрѣ, по духу, полному бодрости и жажды подвига...

Л. Кутинскій.

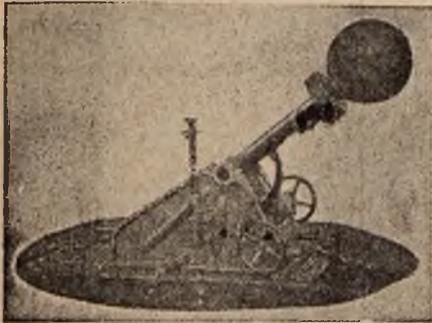
Героиня.

Бельгійская сестра милосердія, проявившая необыкновенное мужество во время перевывокъ на поляхъ сраженія.

Пушка-лиллипутъ.

Сравнительно не так еще давно скептики утверждали, что при современных усовершенствованиях и новых изобретениях в области военного дела война немислима. Теперь же мы стоим предъ фактомъ нашихъ дней, и каждый день газеты сообщаютъ все новыя и новыя данныя о «дѣятельности» этихъ неодушевленныхъ враговъ челоуѣчества въ ихъ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Небезынтересно будетъ привести здѣсь данныя о недавнемъ изобрѣтеніи Крупновскихъ заводовъ, а именно о пушкѣ, приспособленной для метанія бомбъ.

Эта новая пушка имѣетъ вспомогательное и въ то же время, весьма существенное значеніе при штурмѣ и осадѣ крѣпостей. Въ то время, какъ пушки большого калибра очень тяжелы и перевозка ихъ съ мѣста на мѣсто представляетъ большія трудности, а подчасъ даже, по условіямъ мѣстности, и невозможна, эти маленькія пушки (см. рис.)—незамѣнимы, такъ какъ онѣ очень легки и вслѣдствіе этого могутъ быть легко и быстро транспортируемы съ одного пункта на другой, не взирая на плохія дороги, узкіе рвы и окопы. Вслѣдствіе всѣхъ приведенныхъ качествъ, а также и по своей большой боеспособности, такія пушки подвозятся на очень близкое разстояніе къ осаждаемой крѣпости, и здѣсь ихъ дѣйствіе неоцѣнимо.

Видъ этой пушки, какъ читатель видитъ, не такой, какой мы обыкновенно наблюдаемъ: большая шарообразная и тонкостѣнная бомба не лежитъ въ дулѣ орудія, а насаживается помощью тяжелой муфты на массивный, короткій стволъ пушки. При выстрѣлѣ же эта шкивообразная муфта отдѣляется отъ снаряда и тутъ же падаетъ на землю.

Снарядъ этой пушки-лиллипута не обладаетъ такой большой несущей силой, какъ снаряды большихъ пушекъ, но зато дѣйствіе, производимое имъ, несравненно сильнѣе, такъ какъ онъ начиненъ сильно-взрывчатымъ составомъ и удушующими газами, которые, при паденіи снаряда на землю и разрывѣ его, распространяются на большую окружность и убиваютъ людей и животныхъ.

Какъ видно на рисункѣ, пушка эта очень мала—всего 80 сантиметровъ ширины и высоты—и легка. Самое тяжелое въ ней, это—лафетъ и массивная плита, на которой покоится пушка вмѣстѣ съ приспособленіями для поворота ея въ сторону, подъема и спуска.

До приведенія пушки въ дѣйствіе плита съ лафетомъ снимаются съ 2 колесъ, которая пушка имѣетъ, и вкапывается немного въ землю для того, чтобы не было отката пушки во время выстрѣла.

Всѣмъ.

„Военныя программы“ въ кинематографахъ.

Въ одномъ маленькомъ кинематографѣ на окраинѣ города, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ слѣдующаго:

На дрожавшемъ экранѣ мчится съ бѣшеной быстротой старая, выцвѣтшая, дырявая лента. На лентѣ неуклюжій мужчина лѣтъ сорока, съ прескверно приклеенными усами, лежитъ на койкѣ и хватается руками за голову и грудь...

Передъ экраномъ, рядомъ съ талершей, сидитъ другой мужчина, въ потертомъ пиджакѣ и брючкахъ до шиколокъ, внимательно смотритъ на экранъ и громкимъ, силнымъ, давно пропитымъ голосомъ, говоритъ то, что, по его мнѣнію, долженъ былъ-бы читать экранный артистъ...

— О, моя грудь!—сипло кричитъ онъ на всю залу, когда, мужчина на экранѣ прижимаетъ руки къ груди.—О, смерть! Я долженъ умереть! Я умираю за честь моей родины! Проклятые тевтоны! За что, за что вы убили меня? Такого молодого, полнаго цвѣтушихъ силъ...

Тутъ мужчина на экранѣ вдругъ бѣшено срывается съ койки и дѣлаетъ видъ, что прислушивается...

«Живой кинетофонъ», нанятый по полтиннику за сеансъ, съ ужасомъ смотритъ на экранъ и теряетъ... Очевидно, онъ не знаетъ, что говорить дальше... Но думать ни въ коемъ случаѣ нельзя, и онъ кричитъ:

— О, что я слышу!? Опять они! Они!.. О, пустите меня къ нимъ! Я хочу умереть на полѣ брани! Я хочу биться до послѣдней капли...

На экранѣ, между тѣмъ, происходитъ что-то неладное: двѣ-три секунды дрожитъ дырявый хаосъ, что-то вспыхиваетъ, угасаетъ и картина появляется вверхъ ногами...

Публика начинаетъ стучать стульями и палками, а «живой кинетофонъ» досадливо отплеивается и говоритъ тапершѣ:

— Чортъ знаетъ, что такое! Приглашаютъ меня, бывшаго артиста на драматическія роли, играть при такихъ мерккихъ обстоятельствахъ! И еще, между прочимъ, за вчера ни копѣйки не уплатили...

Однако, черезъ минуту картина демонстрируется правильно: мужчина съ плохо-приклеенными усами опять воро-

чается на койкѣ, изъ головы...

«Живой кинетофонъ»

— О, моя родина! Мнѣ тяжело мнѣ отъ тебя, отъ моихъ друзей...

Въ комнату, между тѣмъ, входитъ женщина.

«Живой кинетофонъ», при пальцахъ горло, кричитъ голосомъ:

— Что тебѣ—лучше, мой дающийъ братъ?

— О, сестра!—отвѣчаетъ мнѣ тяжело, но я хочу сраженіе, мое сердце губятъ отмишенья...

И такъ далѣе, и такъ...

Публика сидитъ ни живая, съ поблѣднѣвшими, вытѣянными Заунывный, съ содроганіями, ческими нотками, голосъ «кинофонона» дѣйствуетъ удручающе.

Какая-то молодая женщина громко, не стѣняясь, всхлипла никому, очевидно, не противная выносимая, ужасная, «военная программа»...

Это—на окраинѣ.

Въ центрѣ-же, по моему, еще хуже. Правда, въ кинематографахъ нѣтъ несчастныхъ и смѣхотворныхъ «живыхъ кинетофоновъ», составляющихъ боевую часть «военной программы». Зато есть только что испеченныя, специально «военныя» картины...

Мнѣ кажется, придумать что-либо болѣе лубочное и бездарное—нельзя...

Такихъ картинъ пока двѣ:

«Германцы въ Калишѣ» и «Позоръ XX вѣка». Обѣ почти не отличаются другъ отъ друга и вызываютъ одинаково-противное тяжелое чувство.

На экранѣ насилуютъ женщинъ, бьютъ и мучаютъ стариковъ, дѣтей. И все это такъ грубо и страшно, что въ публикѣ нерѣдки истерики.

О какой-либо старательности и бережности въ постановкѣ и рѣчи нѣтъ. Все отдаетъ спѣшкой и грубымъ расчетомъ на эксплуатацію большого интереса къ войнѣ.

Ни малѣйшаго труда дать публикѣ хоть что-нибудь красивое и содержательное—авторы не дали себѣ. Даже русскія войска, спасающія къ концу картинъ нѣмецкихъ плѣнниковъ, изображены смѣхотворно. Солдатская форма сидитъ на статистахъ до смѣшного жалко.

Снимковъ съ настоящихъ войскъ авторы картинъ не позаботились достать.

Е. Зоуля.

КАЗАЦКАЯ.

Ну-ка, братцы, въ стремя ногу,
За плечо винтовку!
Вспомнимъ бранную тревогу,
Буйную сноровку!

Ты, румяная казачка,
Цвѣтъ родимыхъ криниць,
Не горюй по мнѣ, не плачь-ка—
Привезу гостинець!

Набекрень огонь-фуражки,
Пики тутъ, при сѣдлажъ,
Серебромъ сверкаютъ шашки—
Ужась нѣмцевъ подлыхъ.

Скакунокъ смиренной стати,
Уши на затылкѣ;—
Гикни, крикни—такъ подхва-

Задрожатъ поджилки.

Бдуть, свищутъ удалые,
Бравые ребята.
Вдругъ навстрѣчу—кто такіе?..
Въ пики супостата!

Заклубилась пыль степная,
Ретивое сжалось...
Сотня труповъ, плѣнныхъ стая—
Отъ врага осталось...

Шевелись-ка, красноухій!
Это, братъ, не пиво!
Ну-ка русскаго понюхай;
Не табакъ, а диво!

Рады мы военнымъ людамъ...
Саблю, милый, брось-ка!
Мы рубить теперь не будемъ...
...Связывай, Савоська!..

Алексѣй Липецкій.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ВЪ ЖУРНАЛЪ «МИРНАЯ ПАНОРАМА»

ся въ Главн. К-рѣ Изд. Дѣла „Копѣйка“, Лиговская 111-113
тел. 69-87, по цѣнѣ за строку непарель: До текста—
1 р. 25 к. После текста—80 к. Въ текстѣ—2 р.
кратныхъ публикаціяхъ—скидка. По первому требованію (можно
по телефону) Главная К-ра командируетъ Агентовъ.

Упала въ ПРОДАЖУ БЫШАЯ, МНОГОКРАСОЧНАЯ КАРТА Охъ Театровъ Войны.

Издание Акц. Общ. Изд. Дѣла „Копѣйка“.

ЦѢНА КАРТЫ—20 коп., съ пересылкой—35 коп.

Главный складъ изданія: Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“
Петроградъ, Лиговская 111-113.

— Опасный шпионъ... Рразстрѣлять!!!

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленныя запросы заинтересованныхъ
мѣшаетъ намъ рѣ-
КАКЪ ПРЕЖДЕ мы продаемъ наши быс-
им „Викторія“ по в-
КАКЪ ПРЕЖДЕ возжя, купившія ма-
шину.

КАКЪ ПРЕЖДЕ мы платимъ за работу дѣл-
шимъ сотрудикамъ.
КАКЪ ПРЕЖДЕ наши сотрудики зарабатыв-
Машины в разкообразная пряжа въ большомъ
около 1 пуда, желающимъ выис-

Подробности по первому тре-
Товарищество Вавальмитъ Машины Т О И
НИОНАУ и И-О, (Лондонъ, В. С.
С. Петербургъ, Невскій, 40—42. Отд. 30 В. И
мова, Отд. 30 В. Нижній-Новгородъ,

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 336564

Противъ запоровъ,

острыхъ и хроническихъ и ихъ послѣд-
ствій рекомендуется Стомоксигень Д-ра
Антоня Мейеръ. Цѣны не будутъ повы-
шены. Остерегайтесь поддѣлокъ.

БОЛОТА И ОВРАГИ.

1) Причины образов. болотъ
и ихъ осушеніе.

Составилъ А. Ф. Папенгутъ.
Цѣна книги 20 коп., съ пересылк. и нал.
платеж. 40 к.

2) Овраги, обрывы,

осыпи и оползанія и ихъ укрѣпленія вер-
шинъ овраговъ и проновъ при помощи
простыхъ сооружений: хвороста, плетня,
фашиника, дерева и камня, съ 55 рис.
Составилъ М. П. Новгородскій.

Цѣна книги 30 коп., съ пересылк. и налож.
платеж. 55 к. Обѣ книги вышотъ выисла-
ются съ налож. плат. за 80 коп.

Книжный магазинъ „Книжный По-
ставщикъ“, Петроградъ, Лиговская, 111-113.

ПОДРОБНѢЙШІЯ КАРТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ.

Отпечатанныя въ 6 красокъ,

№ 1—размѣр. 20×24 верш., съ обозначе-
ніемъ крѣпостей и линій жер. дор. ц. 1 р., съ
перес. 1 р. 25 к.

№ 2—размѣр. 18×22 верш. ц. 60 к., съ
перес. 85 к.

№ 3—размѣр. 16×20 верш. ц. 40 к., съ
перес. 65 к.

Съ требованіемъ обратиться: Москва, Улан-
скій пер., д. № 30—31, Книжный магазинъ
П. К. Комисаренко. 42513

КУРСЪ АВТОМОБИЛИЗМА.

Составилъ Н. Г. Кузнецовъ.

Цѣна книги безъ переплета 5 руб., въ пер-
епл. 5 р. 75 коп. За пересылку приче-
тывается 55 коп.

Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ
ПОСТАВЩИКЪ“ Петроградъ, Лигов-
ская ул., д. 111—113.

В. Г. ВАЛЬТЕРЪ.

Первый солистъ-скрипачъ Императорской
Русской оперы въ С.-Петербурѣ.

1) Какъ учиться играть на скрипкѣ

Практическое пособие для учителей и уча-
щихся. Съ приложеніемъ указателя окри-
пичной литературы.

Цѣна книги 50 коп., съ перес. и налож.
платежемъ 75 коп.

2) И начинающій скрипачъ

НОТЫ.

Упраженія, мелодія и этюды для перво-
начального изученія игры на скрипкѣ въ
двухъ частяхъ.

Часть 1-я. Первая позиція и основныя
штрихи.

Часть 2-я. Вторая, третья, четвертая и
пятая позиція.

Цѣна каждой части 1 руб., съ перес. и
нал. платеж. 1 руб. 25 коп., обѣ части
вышотъ выислаются съ налож. плат. за

2 руб. 35 коп. Все три книги выислаются
съ нал. плат. за 2 р. 90 коп.

Книжный магазинъ

„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“

Петроградъ, Лиговская, 111-113.

Первый союзъ комитъ Техническихъ условій Мор- ского Вѣдомства.

При поставкѣхъ материаловъ и налѣлія по
машиностроенію и судостроенію, съ при-
ложеніемъ техническихъ условій на по-
ставку каменнаго угля, масла и т. п.

Составлена подъ редакціей инженеръ-меха-
никовъ П. П. Афанасьева и В. А. Баг-
ринъ-Камонскаго.

Цѣна книги 3 руб., съ пересылк. и налож.
плат. 3 руб. 40 коп. Выислаются только по
полученію задатка (не менѣе 1 руб.)

Книжный магазинъ

„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“

Петроградъ, Лиговская ул., д. 111—113.